

Н.Н. АЛЕКСАНДРОВ

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Сборник стихов

Москва, 2019

УДК 82-193.7
ББК 84(2)6

А 60 Александров Н.Н.

Вечная весна: Сборник стихов. – Москва: Изд-во Академии тринитаризма, 2018. – 121 с.

УДК 82-193.7
ББК 84(2)6

© Н.Н. Александров, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от составителя сборника.....	8
Стихи 6 класса	10
Прощание с Площадью Поэзии.....	10
Снег на площади.....	10
Время остановлено. Как тихо.....	11
Как это важно!.....	11
Вот и все, милый Женька	12
Звучание Моцарта каменной ночью.....	13
Татка.....	13
Еще ты мне чуть-чуть принадлежишь	14
Я строки писем целовал.....	15
Когда ты изучала дактиль.....	15
Жена.....	16
Ты пробуждаешь во мне.....	17
Дальнейшее молчанье, и аве!.....	17
Выну занозу, шариком оземь.....	18
Пришла, и села в кресло у окна.....	20
Седина.....	20
Трава.....	21
Архитектура.....	22
Тишины, я хочу тишины.....	22
Ветрено и темно.....	23
Удар, удар, и воздуха глоток.....	24
Меня защитит беззащитность.....	24
Круг.....	24
Небо сияло синим.....	24
Поэты не имеют права.....	26
Железно жизнь тебя загнала.....	26
Поверю в вечер, веру воскрешу.....	27
Целый мир стосковался по нежности.....	27
Мечта дерева.....	28
Источник.....	28
Экологическая ниша.....	29
А мне творить цветы.....	29

До-минор, до-минор, как темно.....	30
Передумал я мысли весёлые.....	31
Небеса, шиты звёздными нитями.....	31
Шлифую мысль.....	31
Все расставания быстрей.....	32
Как скоро вы мне изменили.....	32
Баранников.....	32
Попросить мне нечего у Бога.....	33
Молчанье – блеск металла возле горла.....	33
Удивленно и странно.....	34
Заполняется чаша, и руки её не удержат.....	35
Догорел светлячок сигареты.....	35
Иду по людной улице.....	36
Поэты земли, закройте тетради.....	36
Новые звёзды.....	37
Ребёнок с грустными глазами.....	37
Два облика Души.....	38
Смотрит время в линзу атмосферы.....	38
Церемонное марево моря.....	39
Здесь от реки до облаков.....	39
Признаю тебя, дерзкая хватка.....	40
Герой нашего времени.....	40
Мне твердили, пойдя на уступки.....	42
Я онемел. За словом слово.....	42
Наверно, слишком долго жили.....	43
Говорят, что к любви привыкают.....	44
Струны трону.....	44
Жизнь. Ясный луч.....	45
Эхо есть у всего, только отзвука нет у поэта.....	45
Мне кажется, стою я на земле.....	46
Скажи, откуда это вдохновенье.....	46
В каждый день я вхожу, словно в дом.....	47
Пусть на сердце моём.....	48
Книга времён.....	48
Маски лиц, зеркала, отраженья.....	49

Одиноко звезде синеокой.....	49
Войди, звонком разрушив тишину.....	50
Как тихо, в оглушительной тиши.....	50
Дети во времени взрослых.....	51
Нам памятников строгие черты.....	52
Расскажи мне что-нибудь красивое.....	52
Когда беззвучным именем твоим.....	53
Вначале – выпьем за печали.....	53
Утекает золотой закат.....	54
Кто сутки изобрёл.....	54
Тысячи лет, до бессмертия цветов.....	55
Мы любим ясность и веселье.....	55
Не понимаю, почему вы яростно.....	55
Дверь в Вечность.....	56
Небо ли было белым.....	56
Вращают свет зеркальные шары.....	56
Стихи, написанные ночью.....	57
Вера.....	57
Длинно и коротко.....	57
Повторись.....	58
Секунда грусти.....	59
Беда.....	60
Над Вознесенской колокольней.....	61
Начало.....	62

ЭТЮДЫ

Всё делай вовремя.....	63
Со тобою рядом.....	63
Олени.....	63
Мы делим природу.....	63
Искусство ощущает страх.....	63
Смотришься белою птицей.....	64
Что такое любовь?.....	64
Пространство опьянело от луны.....	64
Ничего, наверно, не останется.....	64

Кто ищет друга.....	65
Желтое.....	65
Не положено сердцу отгулов.....	65
Погибнуть бы, во спасение.....	65
Истребитель в крутом вираже.....	65
Тоска, как собранная в горсть.....	66
Подозрительно день ярок.....	66
Начало там, где скажем мы – начало.....	66
Ты придумывал всякую чушь.....	66
Откос белеющей стены.....	66
Да что же за странная мука.....	67
Когда я ещё чувствовал мир.....	67
КАПРИЧОС ЭФЕМЕРИДА. Поэма.....	68
ЧЕРЕП НА ЛЕТНЕМ ОКНЕ. Минипоэма.....	69
КАПРИЧОС ЭФЕМЕРИДА.....	79
ПЕСНИ.....	87
Моё поколение.....	87
Кубик Рубика.....	88
Рок-Н-Ролл.....	89
Люди, полюбите меня!.....	89
Помоги!.....	90
Мы ярче всех созвездий.....	91
Революция.....	92
Люди могут.....	93
Пусть так будет.....	94
Мы на сцену ступаем.....	95
Шлак.....	96
Так просто.....	97
Крысолов.....	98
Третье тысячелетие.....	99
Дровосек.....	100
Стеклодув.....	101
Два крыла.....	102

Брат-нумизмат.....	104
Кукловод.....	105
Дирижабль.....	107
Астры.....	108
Зеркальный электромобиль.....	109
Приложение 1.....	110
Приложение 2.....	118

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александров Николай Николаевич
(18.11.1952 – 30.12.2018)

Александров Николай Николаевич родился 18 ноября 1952 г. в пос. Приволжье Приволжского района Астраханской области. Окончил Харьковский художественно-промышленный институт (1981), работал главным художником города, главным дизайнером города, доцентом, профессором, проректором по науке, ректором университета и заведующим кафедрой в пяти вузах Тольятти и Нижнего Новгорода, в Нижегородском архитектурно-строительном университете, Нижегородской сельскохозяйственной академии, Дзержинском филиале ВВАГС/РАНХиГС. В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Концепция системогенезиса общества: цивилизация и культура сквозь призму искусства». В 2001 г. защитил докторскую диссертацию «Методология системного анализа генезиса социума». Сфера научных интересов: философия науки и техники, фи-

лософия культуры, философия экономики, аксиология, гносеология, этика, эстетика, культурология социология, методология научного познания и творчества, методология художественного творчества, философская герменевтика, логика, нумерология, историометрия, искусствознание, литературоведение, искусствометрия, история искусства, история литературы, теория композиции, теория восприятия, прогнозирование, менеджмент, теория организации, реклама, проектирование, история и теория дизайна. Автор 62 монографий и 255 научных статей, большинство из которых опубликованы на сайте Академии Тринитаризма:

<http://www.trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/0051-00.htm>

Этапы творческого пути в сфере науки и философии, а также Резюме трудовой биографии представлены в Приложениях 1 и 2.

Умер после тяжёлой и продолжительной болезни в 66 лет.

В эпистолярном багаже Н.Н. Николаева есть и стихи, которые он начал писать с 6 класса школы. В этом сборнике собраны стихи, написанные за многие годы, ранее нигде не опубликованные. Автор критически относился к своему поэтическому дару, писал для своей души, не стремился к публичности в этой части своей творческой жизни. Посмертный сборник стихов появился по желанию друзей, с уважением относящихся к незаурядной личности автора.

А.М. Пищик

Стихи 6 класса

Лед на дереве стеклом
Тихо звякает все.
Было б солнце, потекло,
И размякло все.
А дорога, как петля гистерезиса,
Надоело ей петлять, сон ей грезится.

Прощание с Площадью Поэзии...

Осень. Грустные приметы,
Вечные приметы.
То, прощаясь, умирает
Молодое лето.
И моя пора настала
С юностью прощаться,
И деревья словно руки
Подают, на счастье.

Стая тает, улетая,
Светло-золотая.
Вот и все, прощайте птицы,
Сердцу так печально.

1972

Снег на площади...

В тот день шел мягкий снег.
Как музыка органа
Кружилась величаво белизна.
В тот день шел мягкий снег,
Торжественно вторгаясь
В земную явь видениями сна.
И снежным сном

Таинственно окутан
Преображался суетливый мир.
Троллейбус, как игрушка с грузом кукол,
По площади величественно плыл.

1973

Время остановлено. Как тихо...

Время остановлено. Как тихо.
Точно кто-то гвоздь воткнул в часы.
И пружина, скрученная лихо,
Напряглась как талия осы.

Лук изогнут резко, до предела.
Трепетом исполнена стрела.
Отпусти, и тонкая летела
В синеве невидимо-бела.

Но часы молчат. Все так же тихо.
Сдвинуть время — время не пришло.
И пружина, скрученная лихо,
Кажется, изломанной стрелой.

1973

Как это важно!

Как это важно!
Снег глухой и влажный.
Как это важно!
И еле виден
Дом пятиэтажный.
Как это важно!
Я, одинокий, нежный и отважный.
Как это важно!
А в доме Вы. Как хорошо и страшно.

Как это важно!

Теперь бесснежно.
И уже — не нежно.
Уже не страшно.

Но для поэта
То, что было — это,
Безумно важно.

Наш юный снег —
Он лилии белее.
Любовь есть свет.
Живу, его лелея.

Вот и все, милый Женька...

Вот и все, милый Женька,
И ветер опять нам навстречу.
В сумасбродстве движений
Я буду хранить нашу встречу.

И куда бы не двигал
Неистовый ветер твой парус,
Словно маленький вымпел
На мачтах твоих я останусь.

Ни к чему обещастья,
Нам не в чем друг другу клянуться.
Я не верю в прощанья,
Прощаясь — сумей улыбнуться.

1974

Звучание Моцарта каменной ночью

Звучание Моцарта каменной ночью.
Светло и божественно,
Я на коленях.
Но что эта музыка, — жалкая тень тишины!
Ночная вечность не приемлет музыки.

Когда в тихой Вселенной
Ты бежишь по хрусталинкам звезд
В голубом.
Слушайте, слушайте, музыка!
И Моцарт стоит на коленях.
Плачет.

Стало в мире теплее.
Это кто-то
Полюбил.

1973

Татка

В дни, когда не верится в удачу,
В дни, когда губам от яда сладко,
И когда сквозь смех я кровью плачу,
Ты нужна мне, маленькая Татка.

За окном весенние рассветы
Золотой улыбкой гасят звезды.
И живешь ты где-то там на свете
Буднично, загадочно и просто.

И лежат таинственные письма,
Где простыми детскими словами,
Дарят мне немножко юной жизни,
Словно вдруг меня поцеловали.

В простоте чужого откровенья
Столько удивительно родного.
Виделись мы, в общем-то, мгновенье,
Но для простоты не надо много.

Здорово, что ты живешь и пишешь,
И наивно-радостно ликуешь.
Мне до синих звезд гораздо ближе,
Потому, что Татка существует.

Потому, что в тяжкие мгновенья,
В дни, когда удача увядает,
Напишу — и снова вдохновенье,
Отошлю — и Татка прочитает.

В дни, когда не верится в удачу,
В дни, когда губам от яда сладко,
И когда сквозь смех я кровью плачу,
Так нужна мне маленькая Татка.

Еще ты мне чуть-чуть принадлежишь...

Еще ты мне чуть-чуть принадлежишь, Покуда
неотправленным лежит
Письмо. И лампа светит, зеленея.

Покуда снег с сияющих небес
Еще летит на острый черный лес,
То от него, летящего, светлее.

* * *

Ты просто задумай желание,
Пока я по небу лечу.
Какое пошлешь ты послание
Последнего света лучу?

Я строки писем целовал...

Я строки писем целовал,
Хотелось сердцем к ним прижаться, Я ветку
нежную сорвал,
Чтобы цветами надышаться.

Я так светло тебя любил,
Такое сладостное горе.
Рассвет, волнами остудив,
Тебе дарило утром море.

И улыбаясь в тихом сне,
Мне рисовался образ милый.
Я так завидовал волне,
Той, что цветы тебе дарила.

Я строки писем целовал,
Ведь их твои касались руки.
Минуты счастья открывал
Годами горестной разлуки.

22.12.1974

Когда ты изучала дактиль...

Когда ты изучала дактиль,
Впивала пластику латыни,
Я шел, как юный птеродактиль,
К какой-то каменной вершине.

Гляделись чопорные гости
В твои глазищи-зеркала.
Я перепончатые кости
Студил на утренних ветрах.

Еще звучит твой смех ковыльный,
Насмешки легкого ума.
Доисторические крылья?
Зато, смотри какой размах!

Давно ты выучи да дактиль,
Познала все и все решила.
А я, поскольку птеродактиль,
Все так же двигаюсь к верши.

Жена

Нет книги, увлекательнее тебя.
Скользкий свет на золотом обресе.
Твоих волос извилистость любя,
Твоей души извилистостью грежу.

Загадочно написана судьба
Кириллицею, вязью и латынью.
С собою бесконечная борьба,
Безудержное рвение к вершине.

К тебе я иллюстраторов искал —
Такую книгу нелегко осилить.
И злился Врубель, и страдал Шагал,
И Рембрандт кисть отбросил, обессилев.

Безумный маг придумал твой сюжет,
В беспамятстве смешав несовместимость.
Читать тебя — моих не хватит лет,
Листать тебя, так ты же без картинок.

С любой строки — тоска и глубина,
Иду по краю пропасти, шатаюсь.
И дал же Бог! Пожалуйста — жена!
Читаю, и никак не начитаюсь.

Ты пробуждаешь во мне...

Ты пробуждаешь во мне непрерывную острую жажду.
Мысли теснятся и снятся, какая счастливая боль.
Я резонирую с миром, Вселенной, травинкою, закатом.
Гулко, неясно и терпко. Загадочно быть не с тобой.

Я просыпаюсь один, в удивлении слушая утро.
Вот пробуждается свет, вот вода в отдалении спит.
В воздухе птицы парят, продолжалась за тенью балкона.
Кто же откроет окно в занавеске ажурных ветвей?

Здесь прорастают цветы и бутоны сиреневых песен,
Здесь голубеет река, и поток безмятежен и бел.
Здесь по вершинам деревьев, играя, лучи пробегают.
Здесь облака проплывают, и слезы свои проливают.

Так высоко-высоко, что уносит их к призракам звездным.

Я открываю окно, провожая их вечером поздним.
Я открываю окно в занавеске ажурных ветвей.
Мир резонирует мной, но за это спасибо тебе.

Дальнейшее молчание, и аве!

Дальнейшее молчание, и аве!
Сократ стократ печальнее лисенка.
Твои слова — отравленные травы.
Сползает ночь развязанной тесемкой.

Наклон пространства, зимнее падение,
Случайность совпадений, кубик Рубика.
Изысканна неясность совпадения:
Таков закон невысказанной музыки.

Сводите непременно к несводимому.
На дне колодца бьется ответ золота.

Учусь идти в обход необходимого.
Необходимо все, что дарит молодость.

Тут тайна, как война в твоей гортани.
На мочке уха замок на замочке.
Метание от выкрикнутой тайны,
Такие скачки, опасайтесь кочки.

Ажурный аппарат Сантос-Дюмона
Идет в полет в звенящий клетке тела.
Ты посетил оазис Дездемоны,
Где бродит бред и бешенство Отелло.

На эту ночь — вот нота утонченная,
Любого слова вымытость и найденность,
Любого звука вылитость точеная,
И тонких веток траурная тайнопись.

За новизной открытого и скрытого
Моих тетрадей радий, и отчаянья.
Да будет радость, горечью омытая.
И жажду Слова утолит молчание.

Выну занозу, шариком оземь...

Выну занозу, шариком оземь!
Шарик летящий, блестящий.
Я проверяю эту угрозу:
Трудно ли жить настоящим?

Звукорядов утонченная графика,
Кардиограмма рапиры.
Нет, вы не смотрите в роли Фальстафика.
Жизнь не читала Шекспира.

Неон за окнами синее молока.
Рука легка, но праздник обезлюдел.

А ночь вращается, прозрачной мотылька
И в шаре свет, и света не убудет.

Из Атлантиды, кариатиды?
Карие карлики в белом.
Время излечит любые обиды.
Круг замыкается мелом.

Древние, длинные, строгие коры,
Пыли музейной глотните.
Здорово втягивать мир через поры,
Дергая алые нити.

Неон за окнами синее молока.
Рука легка, но праздник обезлюдел.
А ночь вращается, прозрачной мотылька
И в шаре свет, и света не убудет.

Вывеет ветер, да вырвет с корнями,
Лишняя память абсурдна.
Красные шарики боль загоняют
Кровью в сердечную сумку.

Шариком оземь, проза — угроза.
Книга Шекспира упала.
Остро пахнет замороженной розой
Там, где сейчас ты стояла.

Неон за окнами синее молока.
Рука легка, но праздник обезлюдел.
А ночь вращается, прозрачной мотылька
И в шаре свет, и света не убудет.

Пришла и села в кресло у окна

Пришла, и села в кресло у окна,
Смотрела, как безумствует весна.
Щекой к руке прижалась, и ушла.
Щелчок замка — и будто не была.

Но весь ее обман известен мне:
Осталось отражение в окне,
Беспечный запах тканей и духов,
И это — ожидание стихов.

А через час не стало ничего,
Рассеялось простое колдовство.
В углу стола, у светлого ребра,
Стихи темнеют, зернышки добра.

Я от тебя немного получу,
Зато взамен стократно отплачу.
Изо всего, из каждого зерна
Здесь поутру рождается Весна.

Седина

Седина. Ты кого отмечаешь?
Кто придумал, что я не седой?
Я смеюсь, бесконечно печален,
Я седею, совсем молодой.

Я прошу тебя, будь справедлива.
Чтобы ты узнавалась всегда,
Обходи стороною счастливых,
Осыпай, если видишь — беда.

Седина — это высшая мера
За огонь — выжигающий свет.
Седина — за единственность веры,

А совсем — не за выслугу лет.

Седина — измеряйся стихами,
Серебром обрамляя лицо.
Сколько юных с седыми висками,
Стариков — с шевелюрой юнцов.

Трава

Трава
из хрупких трубок с соком,
Слова
Прозрачнее травы.
Мы возвращаемся к истокам.
Откуда вы?

Хрустит костер.
Наверно очень поздно
гулять в лесу.
Как холст, сверну
Я этот полог звездный,
И унесу.

Обернутый
Фольгой золотою,
Верну все сну.
Учитесь слушать
Звук Вселенной стоя.
Всю тишину!

Архитектура

Кувшин восточный с горлом узким
По шею самую в земле.
О, минарет, твой лик нерусский
Блестит от света звезд во мгле.
От этих отсветов мельчает
Домов коробчатый бетон.
А минарет не замечает,
В песок, как в вечность погружен.

Рукой поспешной сотворенный
Наш мир — как новенький букварь.
Церквушки одухотворенной
Известка, камень, киноварь.
Бедна бездумьем индустрия,
Она всего-то инструмент.
В церквушке — дума о Марии,
В коробках — изменность измен.

Осмотримся, с терпеньем русским,
Да сопоставим старь и сталь.
Тень минарета с горлом узким,
Церквушки старой киноварь.
Москва не сразу воздвигалась,
Искала камень не спеша.
Начни опять, чтобы осталась
В бетон отлитая душа.

Тишины, я хочу тишины...

Я художник. Березы оранжевы.
Иней розов, а снег — море радуги.
Я художник. А солнце слепящее
На ветвях темно-розовых плавает.

Я художник, я замер как дерево,
Я корнями в земле, белом облаке,
И ветвями к тебе, небо нежности,
Поднимаюсь сквозь снег, море радуги.

Я художник. Тончайшее золото
Гулкий лес освещает, как ризницу.
И стою я как утренний страж,
Где огнями мерцает витраж.

Я глазами купаюсь в малиновых,
Золотисто-слепяще-малиновых
Волнах света, а солнце задумчиво
На ветвях темно-розовых плавает.

Что деревья, о радость печальная,
Вы храните обеты молчания?
Грациознейший танец сосны
Это ваши нездешние сны?

Не у вас ли все поры заполнены
Ожиданьем дыханья весны.
Буйством лета, усталостью августа
И чайковской мелодией осени.

Проходя по границе волны.
Там, где птицы полёта полны, Ожидаю прихода
весны. Тишины я хочу, тишины.

Ветрено и темно...

Ветрено и темно.
Кто там в окно стучится?
Ветка? Ночная птица?
Что, и тебе не спится?
Как добралась ко мне?
Хочешь поближе к небу?

Впрочем, восьмой этаж.

Видимо, это свисает
Плющ от другой планеты.
Мне до нее — ближе.

Удар, удар, и воздуха глоток...

Удар, удар, и воздуха глоток.
Куда лечу я рухнувшим Икаром.
Куда несет оранжевый поток?
И что лежит в пространстве двух ударов?

Творенье звезд, разбег пустых планет,
Воскресший мир, где нет материй старых.
И смерти нет, и ясен только свет.
Но что лежит в пространстве двух ударов?

Сквозь светотень, где свет уходит в тьму,
Я пролетаю звуком по гитарам.
И может быть, я так и не пойму,
Что жизнь была пространством двух ударов.

Меня защитит беззащитность...

Меня защитит беззащитность,
Ранимость — прочнее брони.
Как компас в потоке магнитном,
Влечению не измени.

Над розами, и над шипами,
Рядами колючих преград,
Иду я босыми стопами.
Отвагою сердца крылат.

Круг

Тысячелетья молчат деревья
И смотрят в воду.
И волны ветер торопит вечный,
Куда-то в море.

А море вольно лежит в лагуне
И смотрит в небо.
Ступает небо по светотени,
Как по ступеням.

А я, бессонный, пойду к деревьям
Молчать об этом.
Еще не утро, еще не не время,
Еще не вечность.

Небо сияло синим...

Небо сияло синим,
Звезды синее.
Полумерцает иней,
Дали темнеют.
Тени лежат длинные,
Свечи в окне.
Это моя любимая
Думает обо мне.

Тени как сны,, длинные,
Тают в окне.
Слушай, моя любимая,
Музыку обо мне.

Поэты не имеют права...

Поэты не имеют права
До взрослых мыслей дорастать.
Душиста детская держава,
А где — глазами не достать.

Огонь, вода и гул пространства,
И всюду — чудо облаков.
Как притягательно и странно
Играть энергией стихов.

Откуда страсть, откуда сила,
Откуда рай?
Ребенок, ждет тебя могила.
Играй!

Железно жизнь тебя загнала...

Железно жизнь тебя загнала.
Но только жизни вопреки
Стихи рука твоя писала.
Тебя спасли твои стихи.

Так и живи, до их прихода,
Как раз до дня свинцовых век.
Перед уходом и восходом,
Стихи читает человек.

Как будто Богу нужно это,
Как будто он простит грехи.
Конечно, ты не стал поэтом,
Но как ты понимал стихи!

Поверю в вечер, веру воскрешу...

Поверю в вечер, веру воскрешу,
И вольно выйду за порог печали.
Я думаю, я маюсь, я дышу.
Начало счастья, счастье без начала?

Судьба входила в воду субмариной.
Иду легко, как будто на Олимп.
Стрекошет ветер, здесь полынь и глина.
Вы не хотите вымытых олив?

Не перепел? Не перепел? Не перепел?
Иди на плеск по плесу. Как ало!
Алло! Куда катиться свежей степью?
В еловые лес, где плеск перепелов.

Сочится солнце. Слепень постучится
На свет. И я уж больше не спешу.
Назавтра что-то светлое случится.
Я думаю, я маюсь, я дышу.

Целый мир стосковался по нежности...

Целый мир стосковался по нежности,
Потому, потому, потому,
Потому, что был город заснеженный,
Погруженный в лохматую тьму.

Жизнь в окне, как в витрине — рекламная,
А поближе — не ад, и не рай.
Если помнишь про самое главное,
Только главное и выбирай.

Мечта дерева

Я мучаюсь, юное дерево,
Я слышу — твердеет кора.
Я чувствую избранность дерзости
И кланяюсь только ветрам.

На ветви легли мне созвездия,
На корни — земные пласты.
А после, низвергнутый зрелостью
Я в белые лягу листы.

Когда-нибудь, ночью звенящею
Провидец, пророк и поэт
На мне нанесет — настоящее
И в новое вычертит след.

Источник

Как вышивальщица с пальцами,
Нитка, строка да игла,
Вы напряженными пальцами,
В строчку вставляли слова.

Вольно, веками наученным,
Душу узорами шить.
Как зацепить за созвучие
Теплую тайну души?

Ниточки крашены травами,
Не выгорают века.
Слово наполнится правдою,
Чтобы светилась строка.

Вышиты думы заветные,
Ниткой закрыты штрихи.
Так и рождаются светлые,
Русские эти стихи.

Экологическая ниша

На всей Земле глядит и дышит
Живущих многомерный мир.
Для всех, от дерева до мыши,
Здесь точный вычерчен пунктир

Зверины челюсти коварства,
Кровавость лиц, упавших ниц.
Цари венчаются на царства,
Порвав незыблемость границ.

В тиши квартир сиди потише.
И за пунктир не выходи.
Забрался в собственную нишу,
И не высовывайся, бди!

А ты, безумный и бездомный,
Бездомный и безумный Лир,
Открыл никем не заселенный
Любовью опаленный мир.

А мне творить цветы...

А мне
Творить цветы совсем не сложно.
Но делать это нужно осторожно:
Отслаивая дружбу от вражды.
Как отделяют землю от воды,
И отделяют небо от звезды.

Цветут ручьи и радуга поет.
Растить сады — забытое искусство.
В прозрачной дымке утреннего чувства,
Свернулся кот под арабеску нот.

И что мы сотворить в себе сумели,
Волнуясь, удивляясь и смеясь,
За этой далью блеклых акварелей?
Иную жизнь, вещей иную связь,

Но для чего, — ответа не имею.
Когда пойму, наверно онемею.

До-минор, до-минор, как темно...

До-минор, до-минор, как темно.
Не закрытое шторой окно.
Полутон, синева силуэтов,
Затихание музыки света,
Отраженье от стен, колыханье,
Только тени и чье-то дыханье.

В гулком мячике бьются аккорды
Кто-то сжался безмолвно и гордо.
И затихло, застыло окно.
И наверно, все было недавно,
Только было давно-предавно.

Шелест птиц, шепот листьев и слов.
Маски лиц, зеркала, отраженья.
В тайном мире несказанных слов
Победителей ждет пораженье.

Добавляется в небо звезда
И минуты слагают года.
Никогда не пойму — “никогда”.
Никогда, никогда, никогда.

Передумал я мысли весёлые...

Передумал я мысли веселые,
Перемерил слова недоспелые.
И остались раздумья тяжелые.
И отмылись стремления смелые.

И во мне родилась сокрушительность
Ни на гран не осталось беспечности.
Как страшна ты, стальная решительность
Человека над пропастью вечности.

Небеса, шиты звёздными нитями...

Небеса, шиты звездными нитями,
Зеленели, звенели, алели.
А вселенские предохранители
Все сгорели.

Вы убитую душу убили,
Ей не больно.
Если вы меня полу-любили.
Только.

Шлифую мысль...

Шлифую мысль,
Смывая пыль дождем,
Отбросив частности.
Мозг должен быть,
Как линза, доведен
До яркой ясности.

Лети поэт,
И на лету лелей
Точеность строчки.
Молчать не смей.

А падая, сумея
поставить точки.

Все расставания быстрее...

Все расставания быстрее,
А сожаления — условней,
И облик истины твоей
Уже прохладней и бескровней.

Мы ищем их, неповторимых,
И будет долог перебор.
Но их ведь нет. Они творимы,
И сотворяет их
Любовь.

Как скоро вы мне изменили...

Как скоро вы мне изменили,
Тогда наивно я считал.
Как женщин я не знал!

И мне теперь понять едва ли,
Как это вы
Так долго ждали.

Баранников

Он был комком из мускулов,
Он в небе был как черт.
И ненавидел тусклое
Словечко это “спорт”.

Он жил стальными тросами
Своих звенящих жил.
И жил он только в воздухе,
А на земле — не жил

Его любовью полнится
Огромный этот шар.
Пусть прах в земле покоится,
Раз на небе — душа.

Попросить мне нечего у Бога

Попросить мне нечего у Бога,
Я от счастья попросту устал.
Смысла жизни ищешь не дорогах,
Но находишь там, где не искал.

Принимаю — это ли не много?
А судьба — неужто так близка?
Смысла жизни ищешь не дорогах,
Но находишь там, где не искал.

Я себя судить умею строго,
Все сначала, чистая доска.
Смысла жизни ищешь не дорогах,
А находишь — там, где не искал.

Молчанье – блеск металла возле горла...

Молчанье — блеск металла возле горла.
От темноты порталы онемели.
Смыкают челюсти белеющие двери.
В них входят женщины безрадостно и гордо.

О горький город, осенью трезвящий,
Как колокол, холодный и звенящий
В сопровожденьи тысяч колокольных.
Свет фонарей заплел деревья в кольца.

В троллейбусах, коробках запотелых,
Как теплые дымы, за телом тело,
За тенью тень таинственно восходят.

Поток метро, биение мелодий.
Где каждое лицо, как звук отдельный,
Отдельный звук, симфонию таящий!
Он призрачный, он плотный, настоящий,
Прохладный, неприступный, гордый, лживый,
Загадочный, безмерно торопливый.
Как статуя с холодными глазами.
Весь город огоньков, цветных мозаик,
Несущийся во времени, несущий
Мгновенные песчинки жизни сущей.

Немыслимо, чтоб только пустота
Их всех глотала, холодом зевая,
Как списанные старые трамваи
На переплавку, на другую сталь.

Мучительно я жизни смысл ищу.
И становлюсь печальней и умнее.
Вчера он говорил мне — не пушу,
Сегодня говорит — ты не посмеешь.

Удивлённо и странно...

Удивленно и странно, чуть-чуть наклонясь, ты смотрела.
Словно песню запела, струну серебристо задела.
Как купанье в кувшинках, как плеск замирающий даль-
ний, Как прозрачная льдинка, холодный был взгляд и
печальный.

А луна голубела и ночь величаво летела.
Наклонясь, ты смотрела, чуть-чуть наклонясь, ты смот-
рела.
И печальней молчанья, наверное, звезды не знали.
Колыхались хрустально, слагая сонату печали.

Не сказал я, что завтра покой твой ничто не нарушит.
Ночь невидимо стала границею лета и стужи.

И секунда застыла, и длилась пронзительно-тонко.
Вместо слова “прощай”, я сказал: “до свиданья, девчонка”.

Заполняется чаша, и руки её не удержат...

Заполняется чаша, и руки ее не удержат.
Если слишком мы любим, то раной откроется нежность.
А она беззащитна, и девочки плачут ночами.
В чистый пруд их надежды упал снисходительный камень.

Прославляю я слабость, что женского племени сила.
Прославляю и силу, что вечно их тянет и манит.
Но поднявшийся к силе небрежно-спокойно обманет,
А неловкий мальчишка узнает презрение милой.

И наверное, сила прошла через нежности муки,
Если нежность жива, то робеют горячие руки.
О, великое чувство, сложнее великой симфонии.
О, любовь и презренье — два вечных начала иронии.

Догорел светлячок сигареты...

Догорел светлячок сигареты.
День окончен, но песня не спета.
Говорят, подлетает комета.
Я последним узнаю про это.

Молчаливее, чем монументы,
Греем руки на теплом граните.
Перерезаны яркие ленты,
Перепутаны долгие нити.

Сорвалось, понеслось, поскакало,
Звезды бисером падают частым.
И кометой овраг пропахало.
Чашка — вдребезги. Это на счастье.

Иду по людной улице...

Иду по людной улице. Потоп.
Поток асфальта и растоки улиц.
Иду по зданиям, по проволокам мачт,
По краю крыш иду, как по перрону.
Все лестницы из каменных ступеней.
Смешались вертикали и скрестились.
Смещались лица, тени, маски стен,
Понятия летят как кинокадры
Погони: крупным планом кони, кони,
Без финиша, стартуют корабли,
И с площадей уходят самолеты.

Как тихо в парке, стаи тополей,
И перья пуха, звуки без порядка.
И солнце на фанерных небесах
Небрежно нарисовано пурпуром.

Скажите, где я, кто я, что со мной?
Бессвязные отдельные мотивы.
Симфония ли солнца, сон сонат,
Ночная песня, одинокий странник,
И реквием, пропетый за столом,
В честь свадьбы нерожденных,
Но живущих.

Поэты земли, закройте тетради...

Поэты земли, закройте тетради.
Молчите, цветы.
Замерли звезды из паутины.
Нити судеб.
Чья это тень на оранжевом небе?
Умер поэт.
Видите, как затворяется небо

В мертвых глазах.
Срежьте цветы. На могилу поэта
Звезды летят.
Так будут падать каждое лето
В этот же день.

Новые звёзды

Никто не знает, у меня в сарае
Лежит звезда, большая и сырая.
А по ночам, еще одну, вторую,
Я пастой ГОЕ сонно полирую.
Ведь надо же, пока еще не поздно,
На небо выходить и новым звездам.

Ребёнок с грустными глазами...

Ребенок с грустными глазами
Коричневатой черноты.
Какой неведомый экзамен
Еще не выдержала ты?

С годами вянут краски, серо.
Но вянут во сто крат быстрее,
Когда в тебе угасла вера
В начала добрые людей.

Но нет, я вижу — не угасла.
Идет упрямая борьба.
Не счастлива, но не несчастна,
И не сильна, и не слаба.

Ты вся — клубок противоречий.
Листы альбома теребя,
Растают годы, словно свечи.
Что сотворишь ты из себя?

Увы, никто не даст ответа.
И ты спешишь. Спешу, спешу.
И как корабль в лучах рассвета
Уходишь от причала в жизнь.

Два облика души

О, как с тобою споры нележки,
Не любишь ты прямого разговора.
Ты затаился в сумерках строки,
Перемешав сумбур ума и вздора.
Как детская игра, одни загадки,
Конфеточка с пустышкой внутри,
Горьки твои насмешки, речи сладки.
Лидо свое ты прячешь до поры.
Ты лицедей, как за броней танка,
В упор вопрос — и некуда бежать.
О, скольких дел открыл ты мне изнанку,
Мне б броситься, да рот тебе зажать.
Но не могу, не то что не умею.
От хохота в надрыв переходя,
Я знаю, плачешь ты, а я немею,
И ты немеешь, если плачу я.

Смотрите время в линзу атмосферы...

Смотрит время в линзу атмосферы,
В мой зрачок.
И скрестились временные эры
Как в пучок.
Я сетчаткой глаза все пространство
Охватил.
Все миры единым взором сразу
Посетил.
И прошла пульсация Вселенной
Сквозь меня.

Говорил мне голосом нетленным
Дух огня.
Он сказал — еще наступит время,
Время жить.
Продержись, и ставь ногу в стремя
Не спеши.

Церемонное марево моря...

Церемонное марево моря
Под лимонно-опаловым молотом.
Скулы каменны, скальности в складки.
Неразгаданность этой загадки.

Море вовсе о нас не скорбило.
Море было, и билось, и било.
Ты мерцающий мир полюбила,
А весна ворвалась — и поплыла.

И живет все, что понято нами.
Этой верой иду над волнами.

Здесь от реки до облаков...

Здесь от реки до облаков,
Меня все ожидают,
И сотни тысяч светлячков
Меня сопровождают.

Пою, терзаясь и смеясь,
О древнем и высоком.
О том, что травы состоят
Из хрупких трубок с соком.

И мой костер — тепло и свет
А птицам снится чудо.
А я, художник и поэт,
Его увижу всюду.

Признаю тебя, дерзкая хватка...

Признаю тебя, дерзкая хватка.
Презираю — хватальный инстинкт.
Принимаю, напор без оглядки,
Отвергаю — отвергнувших стыд.

Поднимаюсь до знания цели.
И до знания цен не спущусь.
Оправдаю беспечную цельность
И бесценность безудержных чувств.

Не прощаю продажи таланта,
Не прельщаюсь на ласку и власть,
Не смущаюсь подножкой педанта,
Не смещаюсь в словах и в делах.

А такие не делают денег.
Ниоткуда наследства не ждут.
Но не будут в тени, или тенью,
А по центру планеты идут.

Неизменно хожу без дороги.
И покуда походка тверда,
Вы со мной, бородатые боги,
Надо мной молодая звезда.

Герой нашего времени

Ко мне приехал журналист.
Вот он сидит, почти что рядом.
Подтянут, жилист, мускулист.
Я гостю рад, я очень рад им.

Японский светится глазок
В квадратном ухе диктофона.
Вот это вот? Еще разок?
И сущность облечется в форму.

Ассенизаторы пера,
Герои самой модной драки.
Полулежавшие вчера,
Сегодня — гончие собаки.

Лелеют страждущих добра,
А зло как репу вырывают.
И двери в ад, и двери в рай
Они сегодня открывают.

Привет апостолу Петру!
Он, помнится за меч хватался.
Но вот история, к утру
Отрекся, а потом метался.

Когда хватает диктофон
Рука героя-меченосца,
Пусть осторожен будет он,
И если что, не отречётся.

Эх, сыромятна тетива,
Скрипят натянутые луки.
Стрелой вонзаются слова,
Хватаются за сердце руки.

Давай! Да точно различай:
Искусство — тонкая наука.
Один уже рубил с плеча,
Мы до сих пор боимся стука.

Мне твердили, пойдя на уступки...

Мне твердили, пойдя на уступки,
Ради дела и ради всего.
И никто про мужские поступки,
И что лучше — совсем ничего.

Ну так что же, живите по мере
Вашей собственной темной души.
Совершайте поступки по вере.
Вам воздается, а время решит.

Кто сегодня пойдет на уступки,
Тем капканы запляшут канкан.
Совершайте мужские поступки,
Перед ними бессилён капкан.

Не беру никого для примера.
Доказать можно только собой.
Все пройдет, но останется вера.
Все уйдет, но пребудет Любовь.

Я онемел. За словом слово...

Я онемел. За словом слово
Всю душу я отмыл свою.
Пришла пора, оденусь снова
в свою стальную чешую.

Уйду в застывшие глубины
Сквозь плотной кожи переплет,
Там, где сражаются мужчины,
И горько женщина поет.

Но день придет, и будет светел,
И я покину место дум.
Вдохну сырой осенний ветер.
И по своей тропе уйду.

Я уйду по вертикали,
Куда слова стихов стекали.
Где по конической кривой
Летит звезда над головой.

Наверно, слишком долго жили...

Наверно, слишком долго жили
Вы ожиданием любви.
Любили вы, и вас любили,
Но были там совсем не вы.

На вас похожая, другая,
С глазами острыми, как боль,
В себя играла, не играя,
Губами пробуя любовь.

Но те, кого вы обнимали,
И те, кому свой мир несли,
На крыльях вас не поднимали,
Не отрывали от земли.

Пусть ветер, утренний и резкий
По вашим крыльям бьет, шурша
Стремится в небо ваше сердце,
Но на земле живет душа.

Говорят, что к любви привыкают...

Говорят, что к любви привыкают.
Быть привычкой любовь обрекают.

Если солнце ударит в глаза,
Если в уши ударит гроза,
Если море внутри золотое,
Если сердце не знает покоя,
И от нежности хочется крикнуть,
Разве этому можно привыкнуть?

Говорят, что к любви привыкают.
Что любовью тогда нарекают?

Струны трону...

Струны трону,
Но вашей струны я не трону
И случайно.
Вы на троне,
На вас золотая корона:
Это тайна.

Недостижимая.
Но только щеки
Так побелели.
Непостижимая.
Как одиноки
Сны королевы.

Жизнь. Ясный луч...

Жизнь. Ясный луч. Пульсация тепла.
Тепло руки. Дыхание любимой.
Росток, всходящий в ласковой земле.
Смеющийся ребенок в колыбели
С волшебными глазами мудреца,
Светлейший мир, мозаика созвездий,
Разбрызганная радуга, волна,
Наполненная свежим ощущением
Прихода утра. Все одна она.

Эхо есть у всего, только отзвука нет у поэта...

Эхо есть у всего, только отзвука нет у поэта.
И жестокие песни, я знаю, о помощи просят.
Удивительный ключ, открывающий замок из света.
Где читаю я то, что когда-то я начал и бросил.

В двух мирах я живу: я реален, я роль из Шекспира.
Из ночного метро я взбегаю по горному гребню.
Театральнейший маг, я начну сотворение мира.
Как живые цветы распускается плащ мой волшебный.

Люди заняты делом, поэзия — это не дело.
Поднимайте бокалы, цыгане в зеленых беретах.
Поделите наш серый на черный и матово-белый.
Только в башнях из света поэты живут как поэты.

Поднимайте бокалы, цыгане в разгуле оп-арта,
Мы кочуем по миру — какая потертая карта.
И в затеряных странах, где лотосом пахнут рассветы.
В тех же замках из света поэты живут как поэты.

Мне кажется, стою я на земле...

Мне кажется, стою я на земле,
Запрокинув голову к звездам,
До онемения крохотный,
Не имеющий голоса, способного
Хоть что-то поколебать
В этом гордом и высоком мире,

Мне кажется, стоящему на земле,
Что только ее соки
Согревают меня как траву или деревья,
А я их потомок, сын этой планеты,
И наши судьбы едины.

Но отделимый от земли, я чувствую
Вечное звездное притяжение.

Скажи, откуда это вдохновенье...

Скажи, откуда это вдохновенье,
Рожденное то женщиной, то чем-то
Что в запахе несмелых роз весенних?
Что будит в нас, сварливых и лукавых,
Все чистое, все яркое, живое,
Блистающее ясной глубиной,
Текущее, как горные потоки,
Стремительно, хрустально-невесомо?
Что в нас горит, что гонит нас, бессонных,
Что тянет нас к слепящей бездне солнца?
И почему, без жалости и страха,
И с панцирной кожей от сражений
Бессильны вдруг потомки Ганнибала
Перед твореньем вольного ребенка?

Мы в беге все, торопимся растратить
Наш разум, чувства, лишнее отбросив,
Бежим вперед, чтоб быть в бегу без ноши.
Но эта ноша станет тяжелее,
Потом, когда с годами уставая,
Вернемся мы к тому куску дороги,
Где в юности отбросили подальше
Свои слепые детские творенья,
И стариками плачем без стеснения,
Что проползли по жизни еле-еле,
Что брошенное — крылья для полета,
А вы взлететь над миром не посмели.

И вот уже находим оправданье:
Могилы тех, что все-таки взлетели.

В каждый день я вхожу, словно в дом...

В каждый день я вхожу, словно в дом, где все ново.
Каждый день я смотрю в новизну старых лиц.
Каждый день наполняется нотами зова.
И картину заката рисует руками любви.

Я людей открываю, как книги огромной страницы.
Я смотрю им в глаза, миллионы стоцветных зеркал.
Отражаюсь во взглядах, словах и движениях мысли.
Отражаюсь в их судьбах, и профилем — в линии скал.

Я иду к ним один и с собою несу свою веру.
Потому, что не верить, я как не дышать — не могу.
И они для меня — никогда не закрытые двери.
Удивляюсь их мыслям и звезды их снов берегу.

Пусть на сердце моём...

Пусть на сердце моем прорастают созвездия плача.
Половинками сфер, через веки врывается мир.

Как ладони хлопок, парадокс нерешенной задачи.
Наудачу во времени, время не я породил.

Временная стрела, поворотная стрелка событий.
Содержание сдерживай, формой сосуда Ферми.

Извлечение из, из себя, из бытий, из небытий,
Избиенье младенцев, исторженный стон из тюрьмы.

Притяжение снов, и прилив ликования страсти.
Сочетание мыслей, ведущих извечные войны.

Возвышение чувства, за гранью, где звезды не застит.
Столкновение вер, не свергаемых и не смиренных.

Кома мускулов, маска, усталость от ночи бессонной.
Мне ресницами спину щекочет пятнистое солнце.

Распахните рассвет, в зеркалах на белеющих стенах.
Я хочу говорить, только сила осела как пена.

Книга времён

Эта Книга времен состоит из имен,
Никому не известных высоких имен.
Никому не известных высоких имен,
Без которых бы не было Книги времен.

Воспевание старых высоких времен,
Ожидание новых высоких имен.
Но дано нам родиться в свои времена,
Я впишу на страницы свои имена.

Маски лиц, зеркала, отраженья...

Маски лиц, зеркала, отраженья.
Шелест птиц, шепот листьев и слов.
В тайном мире несказанных слов
Победителей ждет поражение.

Добавляется в небо звезда
и секунды слагают года.
Никогда не пойму — “никогда”.
Никогда, никогда, никогда.

Одиноко звезде синеокой...

Одиноко звезде синеокой
В этой светлой печали глубокой.

Я до этого не был, и не жил,
Не ходил в океан на закате.
Все свежо, и как жжение — нежно.
И таинственно, словно в сонате.

Накрывает нас купол хрустальный,
Разогретый на солнце весеннем.
В мире моря, где пена янтарна,
И вода в разноцветном весельи.

Как я полон открытым простором,
И какая громадная нота
Между небом и морем веселым
Пролетает, и что за забота.

Пенье пены и запахи тины,
Словно память тюльпанной долины.
Где с тобой мы гуляем, незримы.
Нестаримы и неповторимы.
Одиноко звезде синеокой
Оттого, что так море глубоко.

Войти, звонком разрушив тишину...

Войти, звонком разрушив тишину,
Которая как гостья очень редка.
Сказать два слова, и в лицо взянув,
Растягивать секунды незаметно.
Болтать, нести смешную чепуху,
Рассматривать ненужные предметы.

А нет — чтоб ветром окна распахнув,
Явиться, как волшебник, прямо с неба.
Не спрашивая, вдруг, к тебе войти,
Растормошить, взлохматить, рассмеяться,
Схватить, поднять, и в небо унести,
До боли молча сжав твои запястья...

Нам всем потом придется стать разумней,
Учить по этикету эту ложь.
Я все смогу. Но это крик безумный
Ты все равно в глазах моих прочтешь.

Как тихо, в оглушительной тиши...

Как тихо, в оглушительной тиши,
Где озера распластанного гладь,
Уходят дни, и золото души
За каждый день ты должен отдавать.

Бросать монетку прожитого дня,
Чтоб только блеск в багровой глубине
Подобно тихой искорке огня
Тотчас погас в невидимом окне.

И все, и погощая наши дни
Забвения подземная река
Тем золотом невидимым звенит.
Как мрачен этот звон издалека.

1972

Дети во времени взрослых

Так мало нас осталось, может быть
Мы дети в этом времени для взрослых.
Мы просто в жизни не умеем жить.
Хоть жить, как говорите вы, не посто.

Мы утверждаем, смерть — это покой,
А вы, с улыбкой грустной и бывалой,
Издаലെка помашете рукой,
Оставшись возле здания вокзала.

Но стоит нам найти себя в себе,
Взлететь, и выше, чем летают птицы,
Вы отнесете это все к судьбе,
И удивленно вскинете ресницы.

И будете соседке говорить,
Что повезло, и в жизни все бывает.
Закрыв газету, чай забыв допить,
Уляжетесь спокойно на диване.

Но если вдруг, случается же так,
На высоте сломает буря крылья,
И черной рамки траурнейший знак
Окружит имя на плите могильной,

Вы усмехнетесь горько про себя,
И скажете — должно было случиться.
В душе ликуя, а лицом скорбя,
Пророните, что люди, мол, не птицы.

Да, мы не птицы, все совсем не так,
Мы люди, окрыленные как птицы.
Мы дети с Божьей искоркой в глазах.
Покоя нет. Но пусть он вам приснится.

1970

Нам памятников строгие черты...

Нам памятников строгие черты
Внушают мысль о мудрости и силе.
Когда б поэтов в жизни так любили,
Как любят их с гранитной высоты.

Цена за слово истины сурова:
Ценою жизни покупают слово.
Вам навсегда придется замолчать,
Чтоб строчкой бронзы грозно прозвучать.

Расскажи мне что-нибудь красивое...

Расскажи мне что-нибудь красивое,
Сквозь бокал хрустально посмотри,
Тихое, задумчивое, синее
Таёт утро в зареве зари.

Ты напой мне светлую мелодию
Про озерный ландыш и весну,
Нежную, неясную, нестройную,
Тронь тихонько тонкую струну.

Подари мне что-нибудь бесценное,
Капельку нездешней доброты.
В этом мире все — обыкновенное,
Вплоть до дня Рождения мечты.

Когда беззвучным именем твоим...

Когда беззвучным именем твоим
Я назову зеркальные озера,
Ты знай, что только нам с тобой двоим
Принадлежат они уже без спора.

Когда вершины воздухом дыша,
Я закричу от счастья без предела,
Ты знай, что обновленная душа
Пришла сюда, когда к тебе летела.

Когда мои последние слова
Внезапно тобретут свое призванье,
Ты знай, что в тех словах и ты жива,
Назло и отчуждёнью, и изгнанию.

Когда нездешним именем твоим
Наполню я сияние кристалла,
Вернусь туда, где был всегда любим,
И наша жизнь судьбе принадлежала.

Вначале — выпьем за печали...

Вначале — выпьем за печали,
Печали светлую печать,
Что не приветствуют речами,
И о которой — помолчать.

Потом за грусть, свечу поэта,
Что непрощенное простит.
На грани осени и света
Прозрачным облаком летит.

За это смутное волнение,
И полутон, и полусвет.
Предощущенья вдохновенья
Без этих волн, я знаю, нет.

Не нам печалиться в опале,
Не верю в истину в вине.
Но отражение в бокале
Смеясь, подмигивает мне.

Утекает золотой закат...

Утекает золотой закат,
Горизонт гигантский и звенящий.
День такой сегодня, настоящий!
Я храню, я чувствую твой взгляд.

Тишина одной тобой полна,
Как хрусталь — пьянящего вина.
Эта сладость так во мне легка,
Эта радость так во мне горька!

Кто сутки изобрёл...

Кто сутки изобрел, о нас не знал.
Компактно память разум спресовал.
И жизнь, немного странная на шутки,
Конвейером несет кирпичным — сутки.

Они мелькают, тяжестью белея,
Укладываясь в здания годов.
И бродим мы в пространстве городов,
Где наши годы холодно мертвеют.

Но жизнь, все это в шутку превращая,
Цветком пробьется в каменной стене.
И яркий цвет колыхнется, пылая,
И в черном отражается окне.

Всё каменное – это не по мне.
Несу цветок, смеющийся в окне.

Тысячи лет, до бессмертия цветов...

Тысячи лет,
До бессмертия цветов,
Отражаясь в зеркалах,
Лежащих до горизонта,
Ты говори ей,
Что любишь ее,
И она никогда не сможет
Забуть,
Как осыпаются лепестки!
Перекликаются
Грустные голоса,
Или это
Отражение от воды.
Он говорит ей,
Что любит её,
И она никогда не сможет
Забуть
Как осыпаются лепестки.

Мы любим ясность и веселье...

Мы любим ясность и веселье.
Важна возвышенность обмана.
Что манит нас – цветов туман,
Любви надежда в день весенний.
И так в любые времена:
Мы любим ясность и веселье.

Не понимаю, почему вы яростно...

Не понимаю, для чего вы яростно
Оделись в сталь.
Ее ракушку раскрывает запросто
Ночной хрусталь.

А для любви не надо строить крепости,
Она жива,
Когда мужчины делают нелепости.
Она права.

Дверь в Вечность...

Звезды яркие — так высоки!
Невозможная даль. Нежность.
Ветви тонкие — две руки.
И раскрытая дверь — в вечность.

Звезды черные так высоки.
Нестерпимая боль. Снежность.
Мертвый мрамор и тень руки.
А за дверь следы — в вечность.

Небо ли было белым...

Небо ли было белым,
Сном ли я ясным сплю.
Что я могу поделаться!
Как я тебя люблю!

Мир удивительно светел.
Сколько же в нём чистоты.
Двое теперь на планете.
Я и Ты.

Вращает свет зеркальные шары...

Вращает свет зеркальные шары.
Вы снова завернулись в плащ поэта.
Как вы мудры. Но так ли вы добры?
А разговор, конечно, не про это.

Вот так живешь всю жизнь без мужика,
А мужики валяют дурака.

Стихи, написанные ночью...

Стихи, написанные ночью,
Как ночь бездомны и умны
Еще кузнечики стрекочут.
Еще цветами пахнут сны.

Ты далеко. И нет луны.
Одной тебе посвящены
Стихи, написанные ночью.

Вера

Верю, секундами высшей любви, верю!
Верю, горячим волнением в крови, верю!
Верю, томительной острой тоской, болью,
Верю, что время нас встретит с тобой, помню!
Верю, и верю этой тепло сердце.
Верю, и небо синее светло.
Верь же!

Длинно и коротко

Полемизирую. Сыплется золотом дождь.
Но бессолнечно.
Иронизирую. Намертво скрученный вождь.
И бессонница.
Оптимизирую. Голосом, воздухом, выпью ли вою.
Выпью ли?
Все синтезирую. Выкину, вытяну, вытащу, вымою.
Не юли.
Анализирую. Выстрелы пулями пьяными.
Наугад.
Время резиново. Надо ли яды выдумывать?

Вот он — яд.

Перепесочило. Первыми парами с перьями пышными Выпорхнув.

Счастье закончено? Стонами старыми, сонными, серыми

Выдохнув.

Воображение. Жаркое, резкое, сильное жжение.

Сон и боль.

Преображение. Стрелок тупое движение.

Через ноль.

Иронизирую. Бессолнечно.

Полемизирую. Бессонница.

Оптимизирую. Вою ли?

Все синтезирую. Не юли.

Анализирую. Наугад.

Время резиново. Это яд.

Без искажения. Нов и нем.

Отображения вечных тем.

Перепесочило. Выпил хну.

Счастье окончено. Отдохну.

Воображение. Стон и боль.

Преображение. Через ноль.

Повторись

Повторись! Загорись, рассыпаясь огнем,
Отгоревшей ракетной золой растворись!
На мгновение, бешеным солнечным днем,
Повторись, повторись, повторись, повто-
рись!

Не незримо, не мимо, сквозь стекла витрин,
А верша и круша эту смутную жизнь.
Ты ворвись, водворись, не устань, не остынь,
Не покинь! Повторись, повторись, повторись!

Отворись — одиночества скорбная клеть,
Возвратись мой потерянный рай.
Повторись, это жажда стремиться и петь,
Повторсь, а потом умирай!

Мы бессменно бессмертны в беспечной тоске,
На руках у неверных дорог.
Сколько мог, я прошел по Земле налегке,
Но ее обогнуть я не смог.

Затихает рассвет. Повторения нет.
Только времени ход, — покорись!
Ну и пусть говорят — повторения нет.
Повторись, повторись, повторись!

Секунда грусти

Неужели? Из тысячи атомов
Ты намерено Богом сложена.
Вся история подытожена
И лежат у твоей постели
Крылья ангелов. Неужели?

Золотая и тёмно-лиловая,
Миром меченая и мучанная,
Книга древняя, почта новая,
Ты, калачиком детским, скрученная,
Разметавшись в пустой постели,
Спишь и мечешься. Неужели?

Неужели есть птицы грузные
Темнокрылого серебра,

Кресла низкие, входы узкие,
И лететь тебе до утра.
Неужели же, неужели?

Так чего же мы не успели?
Почему тишина такая,
Что застыла вода в стакане,
И секунда уходит на цыпочках,
Затаившись и затихая,
В коридорах ночных и зыбких,
Где от лампочек отмертвев,
Наконец, с подоконника прыгнет,
И вздохнув, и расправив складки
Стрекозиных неслышных крыльев,
Скажет тихо, легко и тускло:
Он меня не заметил, кажется,
А сегодня нас было двое.
Он – и эта секунда грусти.

До свиданья, секунда грустная,
Улетай, улетай с подоконника.
Скоро встанет зелёное солнце,
Одуревшее от бессонницы,
В облаках из тяжелых мыслей.

Беда

Тут ворон, гладкий, как вода,
Глядит, прищулив пленку глаза,
Беда не медлит никогда.
Но проявляется не сразу.

Вдруг разобьешь небрежно чашку,
Осколки брызнут синевой,
Измажешь краскою рубашку,
И ночью псы подымут вой.

И вдруг, внезапно, утром, рано,
Один звонок, и телеграмма.
Мама!

Над воскресенской колокольней

Над Вознесенской колокольней
Одновременно нарождались и умирали
Причудливые облака.
И восходя по облакам,
Взлетали и уносились
Сквозь голубое к черному,
Тяжелые корабли мыслей.

Человеку, живущему на Земле,
Было мало жизни.
Человеку, стоящему на Земле,
Было мало Земли.
Он стоял в толпе,
Потоками бушевавшей вокруг него,
Подобно маяку,
Тяжущему одинокую руку из пучины.
Он стоял посреди океана
И говорил лучом света
С собою, другим, звездным.

Люди шли, пережевывая изжеванные сплетни,
И радуясь радостям жизни.
А ему казалось, что все радости жизни
Только в этой, другой жизни.

Которая одновременно способна
Стоять на Земле,
И возноситься сквозь голубое
К бесконечному и вечному.

Я не знаю, прав ли был он,
Но знаю, правы были те, давно умершие,
Которые оставили на белеющем мраморе
Короткую фразу строгой антиквы:
“Сквозь тернии — к звездам”.

Начало

С чего мне хочется начать?
Мне хочется начать с рассвета,
С волны разбущенного света,
Со свежести лесного лета,
Где счастьем хочется кричать.

О чем мне хочется запеть?
Мне хочется запеть о воле,
О зачарованном просторе,
О снах Земли в рассветном поле,
Когда так хочется взлететь.

О чем мне хочется допеть?
Об этой трудности начала,
О притяжении причала.
О том, как птица прокричала,
Что ей на юг пора лететь.

ЭТЮДЫ

Все делай вовремя...

Все делай вовремя.
Потом —
За каждый шаг
Прыжок с шестом.

Со тобою рядом...

Со тобою рядом,
Не так-то просто.
Все время надо
Быть выше ростом.

Олени

Там звезды в утренней росе,
И погружаясь по колени
В пахучей розовой траве
Бегут пурпурные олени.

Мы делим природу ...

Мы делим природу
На “Мы” и “не Мы”.
И по небу бродят
Планеты, — немые.

Искусство ощущает страх...

Искусство выразит страх,
А значит — подступает крах.
И заняты все телом,
Давно известным делом.

Смотришься белою птицей...

Смотришься белою птицей
В яркое озеро лета,
Запах фиалки всплывает ,
Зеленоватой водой.
Нам суждено пролететь
Через тернии в поисках света.
Новые звезды взойдут,
И тогда мыждемся ответа.

Что такое любовь?

Что такое любовь? Постоянно звучащая музыка.
О какая тоска, о какая же нежность и солнечность.
Ослепительный гимн,
Прозвучавший над мертвой Джульетой.

Пространство опьянело от луны...

Пространство опьянело от луны,
И звезды золотистые ясны.
Полцарства — за секунду тишины.
Полжизни — за мгновение весны.

Ничего, наверно, не останется...

Ничего, наверно, не останется.
Ничего, наверно, не запомнится.
Чей-то взгляд к звезде моей потянется,
Той, что полыхает черной полночью.

Кто ищет друга

Кто ищет друга, я уж перестал,
Пусть в поисках такой применит метод:
Ищите тех, кто так душою стар,
Что юных глаз нельзя в нем не заметить

Желтое

Шла с цветами, желтыми как слабость.
И теперь печалью стала радость.
Как письмо прощальное с печатью,
Радость, что окрашена печалью.

Не положено сердцу отгулов...

Не положено сердцу отгулов,
Отпусков не дают для души.
Для чего же ты в пропасть шагнула?
Дверь закрыла, назад не спеши.

Погибнуть бы, во спасение...

Погибнуть бы, во спасение.
Воскреснуть, с руками в крови.
Надеешься на воскресение?
Живи!

Истребитель в крутом вираже...

Истребитель в крутом вираже,
В раж вошедший “Мираж” сумашедший.
День идущий, грядущий, прошедший
Проскакал, как таблетка драже
С ускорением семьдесят “же”.

Тоска, как собранная в горсть...

Тоска, как собранная в горсть,
И ты — никем не званный гость,
Поэт, продавший с молотка
Жизнь целого цветка.

Подозрительно день ярок...

Подозрительно день ярок.
Поразительно мир нов.
Ожидает тебя подарок
За слюдою чужих слов.

Начало там, где скажем мы — начало...

Начало там, где скажем мы — начало.
И там конец, где видим мы конец.
Горит над нами огненный венец.
Круг вечен, бесконечен, беспечален.

Ты придумывал всякую чушь...

Ты придумывал всякую чушь,
И расстраивал эту девчонку.
„ Словно там, в глубине ваших душ,
Оба громко молчали о чем-то.

Откос белеющей стены...

Откос белеющей стены,
Глаза почти ослеплены,
Вы прощены. Не будет рая,
Но будет день с огнем весны.

Да что же за странная мука...

Да что же за странная мука,
Ни слова, ни крика, ни звука.
Теперь тебе некого ждать.
И некому душу отдать.

Когда я ещё чувствовал мир...

Когда я еще чувствовал мир,
Мир еще не чувствовал меня.

Когда я перестал чувствовать мир,
Мир уже почувствовал меня.

Когда я забыл, что чувствовал мир,
Он назвал меня великим.

КАПРИЧОС
ЭФЕМЕРИДА
поэма

ЧЕРЕП НА ЛЕТНЕМ ОКНЕ

Минипоэма

Вечером, поздним вечером, если будет желание,
Выйдите на прогулку в громады проспектов
И остановитесь посередине. И вы увидите
Медленно движущуюся панораму человечества.
И даже,
Если не будет желанья
Никуда идти и никого видеть,
Вы все равно ее увидите,
Уже потому, что не хотите.
Вы — человек, и от этого
Вам никуда вам не деться.
Покуда в такт наручным часам
Пульсирует пленочка сердца.
И тысячи маленьких пульсов
Слагают один — невозможно громадный.
Пульс улицы.
А улицы запульсируют, городом.
А марево ночных городов колышется,
Переливаясь таинственными огнями.
И на ниточки авиалиний нанизаны бусинки
Пульсирующих городов.
Весь шарик земли в ожерельях, сквозь которые течет время.
Вечером, поздним вечером, откройте шире окно.
Видите: колышутся мерцающие бусинки разгорающихся звезд.
И маленький пульс человечества разве услышат звезды?
Включите ночную музыку,
Потому что звезды любят Бетховена.
Я скажу вам, что очень трудно понять громадное,
Над нами, в мире совершающихся течений.
Первое измерение накрест легло на второе,
Второе, как лента Мёбиуса, внезапно оказалось третьим.
И, возвращаясь к той же точке,

Мысль обнаруживает, что находится в четвертом измерении. Впрочем, если двигаться дальше,
Мысль будет проходить сквозь шары пульсирующих звезд Совершенно беспрепятственно.
Я гарантирую это всем, включившим,
Или играющим на стареньком фортепиано
Звездную музыку, и человеческую музыку,
Музыку, в которой сплелись
В строгой математической гармонии
Все N измерений сущего,
И в котором, тем не менее,
Продолжает биться
Пульс
Видимо, давно умершего человека.
Я постоянно задумываюсь
Над этой неразрешимой загадкой:
Почему мы так любим
все, что способно вплотную
подвести нас к безумству.
Ночь. Музыка. Любовь. Мудрость.
В нас самым странным образом живет
Живительная потребность соединять несоединимое
Или хотя бы попробовать сделать это.
Может быть вы и не заметили, что читаете вовсе не стихи,
А мысль, текущую именно сейчас, когда я пишу это
В совершенно другом месте,
В совершенно противоположном Вам настроении.

Слушая музыку звезд,
Разговаривая с человечеством,
Обнажая истину,
Человек часто думает о смерти.
Это наверное свечи, зеленоватые на просвет,
И отражающиеся в зеркалах.
Или мысль, едва мерцающая, прозрачная,

Как ладони над свечами, которые сейчас
Отражаются в зеркальных шарах вашего мозга.
Вечером,
Поздним вечером,
Медленно,
В пространстве всех измерений,
Как невозможная симфония красок
То ли умирает громадный закат,
То ли проходит панорама
Движущегося человечества.
И стоит ли искать в ней лица?
Когда вы смотрите в пространство океана
Насквозь просвеченное умирающим солнцем,
Интересуют ли Вас капли?
И даже волны.
Трудно ли понять, схватить волну —
Искусства, ритма жизни,
Потратив драгоценнейшее время
Отпущенной вам жизни.
Видеть океан — и находить
В нем нити восхитительных течений,
В которых потерялась капля шара
Громаднейшей Земли.
Всей в ожерельях, в пульсирующей
Райскими огнями лампадок городов.
Колышущихся бусинок на шее
Прекрасной, обнаженной, освещенной
Беспечным светом
Истины.

Вы любите обманчивые игры
Детей, поэтов, всех живущих сказкой?
Мне кажется, мы все играем что-то,
Начав импровизировать, в насмешку,
На незнакомом инструменте тонком,

Вначале мы прислушаемся к звукам,
И подбираем, как слова, играя,
Мелодии, и грани не заметив,
Мы снова переходим в ночь пространства,
Освобождаясь, с помощью чего-то,
От первых связей, первых измерений,
И в играх чувства расцветают мысли.
И вот уже в неясной лихорадке
В сверхнапряженьи, голограммой мысли,
Мы их, таких запутанных, громадных,
И тонких, в новом золоте игры,
Играя, в новый мир соединяем.
И в пятом многограннике Платона
Как держатся, как бьются нити света.
И от живого счастья окрыляясь,
Мы чувствуем пьянящее томленье.
Нам снова мало, жизнь уже у края,
А нам все мало этой вот игры.
Нам хочется, о Господи, заставить
Там, в сотом измерении, сложиться
И заиграть свои созданыя, снова.
Да где ж конец?

Конец игре положит
Спокойный усмехающийся череп
На растворенном вечером окне.
И людям успеваем мы оставить
То, что успеем. “Лунную сонату”,
Сикстинскую — мадонну и капеллу,
Ракеты сталь, и атомную бомбу.
И даже просто — белые стихи,
Игру в игре, которой мы играем.

Вечером, поздним вечером,
Если будет желание,

Выйдите на прогулку в громады проспектов
И остановитесь посередине.
Если вы увидите огни улицы:
Это так хорошо — видеть огни улицы,
Но, возможно, вы увидите
Тысячи глаз и в каждом тысячи огней.

Сложенных, как все мироздание,
Из тысяч все новых и новых,
К тому же, постоянно делящихся
Или слагающихся в новый громадный огонь.
Вечером, посреди проспекта
Можно увидеть, если закрыть глаза,
Как колышется вокруг
Огонь человеческого разума.
Это так хорошо, быть его капелькой.
Это удивительное состояние летящей капли
Ракетного топлива, разогнанной насосами истории,
Ворвавшейся сквозь муть трубопроводов, в свой двигатель.
Сгореть в нем, превращаясь в энергию движения, во время.
Но этим самым чуть толкнуть вперед
Корабль Земли, несущийся в пространстве.
О, если можете, сгорайте.
И если не можете — горите.
Пламя разума при огромном давлении
Поглощает все соседнее.
Представьте себе потрясающую картину
Всего мироздания, пылающего пламенем разума.
Рано или поздно оно так разгорится,
Что маленькое, едва увиденное нами,
Онвстанет невозможно большим.
Но и его нам будет мало.
Тот, кто горит, видит его.
Его, в пространстве будущего.
Когда тесная сфера нашей Вселенной

Станет нам мала,
Мы вырастем из ее детской одежды,
Упиваясь взрослыми играми,
Прорубая окно в следующее измерение.
И нам откроются
Совершенно другие звездные поля.
И зазвучит такая музыка,
Господи-Человече! Такая,
Как бы это выразиться,
Безмерная музыка,
К первой ноте которой
Приблизился давно умерший композитор
Людвиг Ван Бетховен.
И вы думаете, у них не будет своего Людвиг
С лвиной гривой мыслей.
И вы думаете, ему не откроется первая нота
Симфонии третьей вселенной?
Поэзия, ты так уважаешь математику,
Что в конце концов,
Поскольку это одно и то же,
Вы естественно станете
Единым целым.
Когда есть двое
И счастье любви,
Рано или поздно появляется третий.
Так будет и с вами —
Так сольются искусство и наука.
Впрочем, как неуклюжи эти слова
И танец мыслей.
Ведь все проще. И будет проще.
Искусство породило во мне огонь.
Наука остудила мой мозг.
Вместе они становятся синим пылающим льдом.
Так мерцают перед нами недоступные высокие вершины.
Там, за облаками сомнений.

Но не так-то все просто
И на этой земле мало хороших альпинистов.
Подумайте, только точным расчетом,
Хитрыми крюками, непрочными веревкамц,
Цепляясь за случайные камни,
Немногие из немногих достигают вершины.
А ведь у них, как и у тех, что начинали восхождение,
Наверное пылал огонь красоты.
Таким образом, как говорят математики,
Двадцатый век в какой-то мере обнажил необходимость
Иметь холодную голову и пылающее сердце.
Я же заметил, помните, мы оставляем то, что можем:
“Лунную сонату”,
Сикстинскую — мадонну и капеллу,
Ракеты сталь, и атомную бомбу.
Человечество только начало восхождение
И немногие увидят вершины.
Первые вершины.
Потому, что в мире идет сражение добра и зла.

Самое интересное в моей комнате, этим вечером,
На открытом окне — это усмехающийся череп.
Вечером, поздним вечером, если будет желание,
Выйдите на прогулку в громады проспектов
И остановитесь посередине.
Вы увидите медленно вращающийся
Многогранник человечества.
Тень черного мерцает на белом.
В окнах, глубоких, зеркальных, пылают борющиеся огни.
Возможно, вы увидите тысячи глаз,
И в каждом — тысячу огней,
Сложенных, как мироздание,
Из тысяч новых и новых.

У этого нет конца.
И начала тоже нет.
Есть только движущаяся точка.
Комочек пульсирующей плоти,
Летающий по бесконечному лучу,
Изогнутому во всех измерениях
Наподобие насмешливой ленты Мебиуса.
Когда я внимательно рассмотрел череп,
То заметил, что внутри и снаружи
Он имеет в общем-то
Одну и ту же поверхность.
Но сколько
Из такой простоты можно сложить сложностей,
Не правда ли?

18. 02. 1975.

Все так же. Все молчит. Все кончено. Сначала?
Но сущность всех начал — предчувствие конца.
И тяжело, и болит измучено, устало
Закопанное вглубь предчувствие конца.

Эфемерида

Уходим. Все больней: все гуще, все прискорбней
Сознание конца, предчувствие конца.
Не начиная жить, мы всходим, мы нисходим
К скитаньям бытия, забыв о высоте.
В чем истины зерно? Зачем мы вечно ищем
Закапываясь вглубь, взмывая к облакам,
Закутываясь в сны. Куда спешим, куда же?
Зачем — полет сквозь ночь, безудержный как свет?
Зачем? Начало в чем? Какой закон у жизни?
И что такое смерть? Познаем ли? Поймем?

Поймем, но смысла нет — узнать. Твое познание —
Тщеславие глупца, разорванность кольца.
Безрадостно оно, бессмысленно, бесплотное, бесплодно.
Бытие — все дерзость, смелый взлет.

Ты дерзок человек, ты смел до вдохновенья,
И в этом ты велик, велик, когда творишь.
Велик, когда твое — бездумно, безрассудно,
И гордо, оттого, что в этом ты как Бог.

Становишься творцом тогда, когда восходишь
К вершинам белых гор, без мыслей о себе,
И только чтобы быть
Властителем ее.

Твой вызов непокорный — пространство покорить,
Природу усмирить Энергию собрать
Как ветки собирают. Разжечь во тьме костер,
Согреться у огня. И сладостно смотреть
На призрачные блики волшебных городов,
На сказки без конца. Сварить себе обед
И высушить одежды.

Ты дерзок, человек, ты дерзок в то мгновенье,
Когда в твоих глазах рождается мечта.
От зависти ли птиц, от вольности ли моря,
От хохота грозы, ты дерзко, буйно пьян.

И вот ты создаешь, и вот ты созидаеть,
Букеты городов — зигзаги городов,
Симфонии полей, созвездия каналов,
Соцветия садов, содружества машин.

Начала дел — мечты, задумчивые грезы.
О небе и земле, о смысле и тепле.

О сущности всего. Поэзии начало —
Начало наших дел, и в ней же — их конец.

Гармония во всем — достойное стремленье.
Природа и без нас стремится к ней сама.
И создан человек — соцветие гармоний,
Красив, могуч, велик, громаден. Он рожден
Под сенью чистоты для радости и счастья,

Для дерзости любви, для гордости детей,
Для света и добра. Но слишком много горя
Он знает, знал всегда и будет узнавать.
О горькая мечта — увидеть совершенство,
И чистая мечта — любить, любить, любить.
И этот мир обнять, очистить, осветить,
Осмыслить, освятить. О, сладкая мечта.
Да, дерзкий человек, ты рвешься в бесконечность,
Челны своих машин выводишь над землей.
И дерзость — все мечты великого искусства,
Мечты о красоте в обличьях красоты.
Ты дерзок оттого, что в нем ни грана пользы,
А только теплота, величье, чистота.
Ты гордый человек, нигде, как в этой сфере
Тебя по сути нет — ты соткан из мечты.

Склоняешься к траве, узоры зеленеют.
Срываешь лепестки — слагаешь ты стихи.
И слушаешь ручей, птиц, рокот океана,
То музыки исток, начало языка.
Когда ты вдохновлен, ты ясен беспредельно.
Высокое зовет, пульсирует, звенит,
Торопит. Ты поешь, и это бесконечно.
Поэзия труда и музыка любви.

Предварительное название
КАПРИЧОС ЭФЕМЕРИДА

Моему другу Мартину Идену

Я гимн безумию людскому начинаю.
Мой мертвый друг, меня благослови.
Все ритмы старые как ветви изгибаю,
Чтоб сердце сечь жестоко, до крови.

* * *

Итак, ты человек, достойное название,
Властитель, раб, песчинка шли море.
Властитель той песчинки, что Землею,
В своем кругу зовет людское племя.
Пусть властен ты, песчинка так громадна.
Но тысячи песчинок утекают в часах песочных,
Время не заметит
Куда исчезла жалкая песчинка,
И все ее субстанции живые.
Миры, дома, религии, творенья
И гениев, и вех ничтожных мошек,
Что так жестоко гениев кусали
В бессилии им яды поднося.
Склоняясь в низком рабском поклоненьи.

Нет, время не заметит, но покуда
Ночная зелень, и луны явление
Еще в сердцах рождает сладкий трепет,
Живут миры, огромнейшие сферы,
Наполненные импульсами жизни,
И радуги безумствуют на сферах
И чистые творения Родена
Заставят вас молчать, смотреть и плакать
Безумными и детскими слезами...

Сколь много в нас, и как ничтожно мало
Мы можем сделать за кусочек жизни,
Что матерью-природой нам отмерен.

Ты — человек. В тебе живут в безвестьи
Огромные таинственные храмы
И смутные волшебные творенья
Ночные тени вдруг в тебе рождают.
Но лучших лет высокие стремленья
Тебя так рано в жизни покидают.

Ты создал все, чтоб это так и было?
Ты создал сам свои стальные цепи?
Внутри себя — ты раб и властелин,
Родился ты — ты просто пластилин.

Кто прикоснется жадною рукою,
И ты растешь в слепом дурмане веры,
Что ты лишь раб, останешься навечно,
Прожив себя, о клад миров, лишь пенни.

Прожив из всех своих ста лет, быть может
Ничтожные любви своей минуты.
Когда ты вдруг, отбросив злые цепи,
Хотел взлететь над жалким этим миром,
Забывши все, и Бога, и детей,
Куда-то ввысь, и в эти был секунды
Превыше славы, выше всех созвездий.
Когда рабы, припав к земле, рыдают,
Вы знайте — в них сейчас проснулись боги.

Но что, откуда это вдохновенье,
Рожденное то женщиной, то чем-то
Что в запахе несмелых роз весенних,

Что будит в нас, сварливых и лукавых,
Все чистое, все яркое, живое,
Блистающее ясной глубиной,
Текущее, как горные потоки,
Стремительно, хрустально-невесомо,
Что в нас горит, что гонит нас, бессонных,
Что тянет нас к слепящей бездне солнца,
И почему, без жалости и страха,
И с панцирной кожей от сражений
Бессильны вдруг потомки Ганнибала
Перед твореньем вольного ребенка.

Мы в беге все, торопимся растратить
Наш разум, чувства, лишнее отбросив,
Бежим вперед, чтоб быть в бегу без ноши.
Но эта ноша станет тяжелее,
Потом, когда с годами уставая,
Вернемся мы к тому куску дороги,
Где в юности отбросили подальше
Свои слепые детские творенья,
И стариками плачем без стеснения,
Что проползли по жизни еле-еле,
что брошенное — крылья для полета,
А вы взлететь над миром не посмели.
Но вдруг себе находим оправданье:
Могилы тех, что всё-таки взлетели.

ЭФЕМЕРИДА ВАРИАНТ 1996 года.

Пусть на сердце моем прорастают созвездия плача,
Половинками сфер, через веки врывается мир.
Как ладони хлопок, парадокс нерешенной задачи.
Наудачу во времени, время не я породил,

Временная стрела, поворотная стрелка событий,
Содержание сдерживай, формой сосуда Ферми,
Извлечение из, из себя, из бытий, из небытий,
Избиенье младенцев, исторженность как из тюрьмы,

Сочетание звуков, способных расплавить спокойных,
Сочетание слов, как прилив ликования страсти,
Сочетание мыслей, ведущих извечные войны,
Возвышение чувства, за гранью, где звезды не застит.

Столкновение сфер, озаренность зареванной тризны,
Столкновение вер, не свергаемых и не смиренных,
Столкновение разума с ржавою крышею жизни,
Звездным светом я падаю в руки счастливых влюбленных.

Я не смею молчать, только сила осела как пена,
Кома мускулов, маска, усталость от ночи бессонной.
Распахните рассвет, в зеркалах на белеющих стенах,
И ресницами в спину, смотрите, пятнистое солнце.

Я не знаю, кто я, толи Бог, бородатый как волны,
В какофонии звуков я глух на частотах контактов,
В антимире желаний простуженным ранам не больно,
Открывайте же занавес, автор несыгранных актов.

Вот он, утренним звук, разжигающий солнечный праздник,
Вот видений вино, хохот нищего в замке из счастья,

Тень выходит из тени, из рамы ореховой, здравствуй!
И сменяет предчувствие чувство, но только отчасти.

Я сегодня в любви, вольном гуле, волненьи вулкана,
В море солнечных бликов, несмелом мечтаньи сосульки,
О, бредущая морем, коварен капкан великана,
Ты вводишь в пространство, где звуки то колки, то гулки.

У начала творения, за лабиринтом сомнение,
Я ударю цепями, и лед устремляется к воле,
Обдаёт меня брызгами, радостным шум вдохновении,
И выносит туда, в бесконечное снежное поле,

Звон цветка, восходящего в сером сомнении снега,
Разложение радуги призмами личного спектра.

Тяготение птиц, черным клювом нацеленных в небо,
На капризных течениях, гривах арабского ветра.

Прихоть тихого сна, голубь смеха, упавшим в колодец,
Эхо грохота времени в вогнутом ухе органа,
Заслоняется солнечность тенью отвязанных лодок,
И внутри меня мается музыка — фата моргана.

У начала творения, за лабиринтом сомнений,
Ударяю цепями, и лед устремляется к воле.
И струёю шампанского пенится шум вдохновенья,
Нанося иероглиф на шелковость белого поля.

Звон цветка, восходящего в сером сомнении снега.
Разложение радуги призмой лунного спектра.
Притяжение птиц, темным клювом нацеленных в небо.
Где капризны теченья, как грива арабского ветра.

Пристань тихого сна, голубь смеха, упавший в колодец,
Эхо грохота времени в вогнутом ухе органном.
Выплывает мелодия тенью отвязанной лодки.
На экране Вселенной колышется Фата Моргана.

Тают руки в ручьях, размывая земли сухоглинье,
Размывают и месят, застылая память, расстынься!
Альтамирским бизоном гляжу в клинописные клинья.
Вою раненой львицей от непостижимости сфинкса.

Никакие каноны не спугают коконом стона.
Я открою законы, но время закроет законы.
Я спокойно леплю, я играю симфонию формы.
Поступаясь преступно печатью единственной нормы.

Корабли пирамиды уже никого не обидят.
Имхотепа узнают, но только Тутмеса увидят.
Длинношеяя истина истинна без инкрустаций.
А у жаждущих золота тяжки посмертные маски.

Я мечусь, как Тутмес, не испачкав песчанник окраской,
Красоте ликовать, а канонам — с пути отметаться.

Так ступайте с опаской по граням мелового круга.
Здесь не прииск истории, здесь переkreщены силы.
Эти шлемы нетленны, а эти пески очень вязки.
И не все сохранили до нас не дошедшие сказки.

Из-под судорог мрака, взлетая ступенями света,
Заискрился источник, запели цари и поэты.
Это плавают вишни, омыты водою проточной,
Диадемой Крита, в узорчатой чаше цветочной.

Лаконичнее лезвия разум возводит стропила,
В запыленности мрамора Фидии Зевса откроют.

Легкокрылые эллины, золото детства застыло
На копье у Паллады, в улыбках суровых героев.

“Желтый лист перевернут, темнеют истории строки.
Лаконичен как лезвие суд открывавших Афины.
Мы вложили в них гордость, и золото детства застыло
На копье у Паллады, в улыбках суровых героев”.

Что увидит Аристо — колонны в туниках ребристых.
Выпить чашу Сократа нельзя даже другу Платону.
Тенью перипатетиков в запахе лавровых листьев
Через все времена, ваши споры со времени оно.

Сонмы стрел обелисков, колонны в туниках ребристых,
Города гордых греков, гробницы, где гулкая вечность.
Мысль и мрамор слились, но покрытые пылью патины
В нас останутся жить удивлением ясностью мира.

Грубый горный гранит, белый мрамор паросский, я камень,
Сотни статуй во мне, божества, чемпионы, герои,
Сотни звуков во мне, миллиарды светлейших симфоний,
И пурпурные мантии женщин у ног Соломона.

И холодным резцом, беспощадным и острым металлом
Разрезал я мрамор, как холод застывшего сердца,
Отбиваю куски и бросаю их в вечное море,
Море времени все поглощает — и нет им возврата.

Так. стою я — скала, и резец, и ваятель, и море,
Галатея, и Зевс, и Тутмес, и проснувшийся Фидий.
Я в начале конца, и каким будет это творенье,
Мне неизвестно просто, но этот резец беспощаден.

Прикоснувшись к прекрасному, Фидий бессмертен, а боги
Умирали и гибли и времени ход истолок их.

Плотный пласт чернозема, омытый дождями сомнений,
Перегнутой и зерно, золотое подземное солнце,
Пусть исчезнет зерно, станет мокрым комком чернозема,
Только колос взойдет, зеленея потянется к солнцу.

Так на сердце моем прорастают ростки моих песен,
Их питает земля, этот шар, рек подземные соки,
Голоса там звенят, под землею, в немеркнущем небе,
Все я чувствую болью, тянусь к бесконечному солнцу.

Корни в землю текут, к эпицентру, где плазменным морем
Как внутри скорлупы, расплавляясь, клокочат граниты,
В этом корни мои, сухожилия корявые нервов,
И оттуда тепло, что живительно кровь согревает.

Голоса там звенят, под; землею, в застынувшем мраке,
Я их памятью слышу, я слышу как стонут и дышат
Мириады миров, и дворцы, и рабы, и гиганты,
Человечество смотрит, и люди умершие судят.

ПЕСНИ

Мое поколение

Яркий и резкий снимок,
Завтрашний день, прорвись!
Перемешай в глину
Эту песочную жизнь.

Выплеснись шепота клинопись
Ревом на площадях.
Чтоб захотелось ринуться
Глоток своих не щадя.

Чтобы сверкнуло в сознании
Как от удара током:
Нас быть детьми наняли,
Втиснули нас в кокон.

Ветры заокеанные
Гонят кровавую вонь.
И не закрыть экранами
Лазеров злой огонь.

Слушай, мое поколение,
Хватит таскать балласт!
Некому лямку времени
Дальше тянуть за нас.

Слушай, мое поколение,
Время трубить в рога.
Время спросить у времен:
Видим ли мы врага?
Время собрать стоящих,
Встанущих под огнем.

Время спасать тонущий
Шар.
И людей на нем.

Кубик Рубика

Недавно в день рождения,
Вот так вот люди губятся,
Мне подарили запонки,
Рубашку и часы.
Но всех великолепнее
Был яркий кубик Рубика.
Хорошенький подарочек
Папаще сделал сын

Верчу я кубик Рубика,
А он не собирается.
В глазах уже зеленые
И красные круги.
Смотри, узор кривляется,
Как будто издевается,
Великий Боже праведный,
Хоть ты мне помоги!

Сижу я как на каторге,
И рукава закатаны.
Мы хором вертим кубики,
И я, и мой отдел.
К концу второго месяца
Я сдался психиатру.
Сказал он — “шизик Рубика”,
И кубик повертел.

Он вертит кубик Рубика,
А тот не собирается.

В глазах уже зеленые
И красные круги.
Смотри, узор кривляется,
Как будто издевается,
Вам плохо.
Боже праведный,
Хоть ты мне помоги!

Рок-Н-Ролл

Наконец-то я нашел
Новый танец рок-н-ролл!
Я танцую пять часов
Рок-н-ролл вокруг часов.

Брошу куртку я на стол,
Что за танец рок-н-ролл!
Мяться в блюзах надоело,
Рок-н-ролл'— другое дело.

Это что за чудеса,
Стрелки пляшут на часах!
Если скоро рухнет пол,
То виновен рок-н-ролл!

Люди, полюбите меня

Люди, полюбите меня!
Вам пора кумиров менять!
Я готов их место занять,
Вас понять.

Я знал всегда,
Что я — сверхзвезда.

Я красивый, как Аполлон,
Просто красоты эталон!
Буду на рекламных листах
Я блистать!

Я знал всегда,
Что я — сверхзвезда.

Забросаю дисками мир,
Я ж потенциальный кумир,
Я уже кончаю сейчас
Первый класс.

Я знал всегда,
Что я — сверхзвезда.

Люди, любите меня!
Вам пора кумиров менять!
Я готов их место занять,
Вас понять.

Помоги!

Эй, послушай, моя звезда!

Помоги! Помоги!
Наши самые первые
Сделать шаги.
Помоги! Помоги!
И сверкнут наши песни
Как крылья богинь.

По городам юным и старым,
Мы стоим у подъездов, мы рвем тишину.
Если ты взял в руки гитару,

Ты навеки у песен в плену.

Помоги! Помоги!
Нас от правильных песенок убереги,
Помоги! Помоги!

Помоги! Помоги!
Ах, как трудно из детства нам сделать шаги,
Помоги! Помоги!

Ритмы у нас
Чуть угловаты,
Мы кричим, как птенцы,
Прежде чем полететь,
Наши слова солоноваты.
Но мы те, кто не может не петь.

Помоги! Помоги!
Наши самые первые
Сделать шаги.
Помоги! Помоги!
И сверкнут наши песни
Как крылья богинь.

Мы ярче всех созвездий

Мы ярче всех созвездий, всех имен,
На наших струнах — звездный свет.
Мы ритмом разорвали связь времен,
Нам равных не было и нет.

Наши три гитары и один ударник,
Могут всех на свете покорить.
Мы раньше пели даром,
Просто пели даром,

Ведь однр и то же — петь и жить.

Сейчас мы популярней, чем Иисус,
И знаменитей, чем Христос.
И трудно нам преодолеть искус
Ответить на любой вопрос.

Наши три гитары и один ударник,
Могут всех на свете покорить.
Мы раньше пели даром,
А теперь недаром,
Чтобы петь, ведь надо
Как-то жить.

Революция

Вы говорите, что хотите
Немного мир переменить.
Ну, раз хотите, измените.
Мы все чего-нибудь хотим.

Но мир, запомните, мы сами.
И если все пора ломать,
Вы за движение — я с вами,
За разрушение — без вас.

Ломайте мир, ломайте мир,
Ломайте мир, но:
Вы временны, а он стоит давно!

Вы говорите, что хотите
Немного мир переменить.
Вы все на палочке висите,
Так не порвите эту нить.

И каждый хочет революций,
И все чего-нибудь хотят.
Но разве людям станет лучше,
Когда на воздух все взлетят?

Ломайте мир, да-а,
Ломайте мир, да-а,
Ломайте мир, но:
Вы временны, а он стоит давно!

Люди могут

Люди могут
Люди могут сами
Люди могут сами решать.
Люди могут
Люди могут сами
Люди могут сами решать.

Стань под наше знамя,
Пусть нас станет много.
Те, кто правят нами —
Что им до убогих.

Люди могут,
Люди могут сами,
Люди могут сами решать.
Люди могут,
Люди могут сами,
Люди могут сами решать.

Злом нельзя исправить,
Можно
Злу помешать.

Это люди могут сами,
Люди могут сами решать.

Люди могут Люди могут сами
Люди могут сами решать.

Пусть так будет

Пусть так будет,
Кто осудит?
Мы пойдем, сквозь толпу,
К этим людям.
Этот путь наш будет" труден
К тем, кто ждет и живет,
К тем, кто любит,
Землю любит, небо любит,
Смех детей и цветов,
К этим людям.
Мы нужны им, мы и песня.
И они запоют с нами вместе.

* * *

Опустевшим
Белым садом
Нам уже не пройти
Больше рядом.

Мы на сцену ступаем...

Мы на сцену вступаем
Как на тонкую ветку,
Как ко льву открываем
Проржавевшую клетку.

Это сложно и страшно,
Жить в четыре удара,
В отражениях влажных
Две потертых гитары.

В нас нацелены мысли,
Нас зрочки уже ловят.
Ждут тревожного смысла.
Ищут свежего слова.

Каждый жест уже взвешен,
Только дело не в этом.
Тут слова не для песен,
Тут вопрос без ответа.

Так уж вышло, что в песне
Неразлучная пара
Резонирую вместе
Две потертых гитары.

Чтобы каждая нота
Вылетала как пуля.
Убивала кого-то,
Поднимала со стульев.

Чтобы ахнули в зале,
Чтобы в зале застыли,
Чтобы нам подпевали
Голосами простыми.

Чтоб потом не сказали
Про красивые такты.

Мы не песни писали,
Мы искали контакта.

С потерявшимся вере,
Но поверить готовым,
И с понявшими верно
Слишком нервное слово.

Вот зачем наши песни
На эстрады нас гонят:
Мы пришли, чтобы взвесить
Шар земной на ладонях.

Мы выходим на сцену,
Потому что нам больно
Просто новая смена
Гитаристов невольных.

Мы на сцену ступаем
Как на тонкую ветку,
Как ко льву открываем
Проржавевшую клетку.

Шлак

В музее древности топор
Не поржавел еще с тех пор,
Когда его отлили для охот.
И бронзой многотысяч лет
Рубил и бил мой пра-прадед
Пока металл от бойни не устал.

Как вам это не нравится,
Но сплав общества плавится,
Если в нем что-то не так.
Как шаманы не мечутся,
Но металл человечества
Плавится, плавится,

Отторгая шлак.

Звенел железом новый век
И ускоряло время бег.
По шведской стали бил дамасский меч.
За бога правого борцы
Святые постные отцы
Вливали в рот еретикам свинец.

О как сытым не нравится,
Снова общество плавится
Если в нем что-то не так.
Инквизиция мечется,
А металл человечества
Плавится, плавится,
Отторгая шлак.

А над Луною “Аполлон”
И найден новый эталон
Для самолето-танковой брони
И все динамики кричат —
Мы благоденствия очаг,
Но сколько бы ни ввали нам они.

О, как им не нравится,
Придется расплавиться.
Если в вас что-то не так.
Политики мечутся
Но закон человечества:
Плавиться, плавиться,
Отторгая шлак.

Так просто...

Так просто, так просто, так просто
ударить щенка ногой.
Так остро, так остро, так остро
Тупая пронзает боль.

И песня, и песня, и песня,
Последнее средство от срыва.
Я весел, я весел, я весел,
Гитара кричит с надрывом.

Бравада, бравада, бравада,
Как хохот во время крика.
Не надо, не надо, не надо
Так злобно, смешно и дико.

Но ты же, но ты же, но ты же,
Был другом, а кем ты стал.
Все ниже, все ниже, все ниже
Последний наносишь удар.

Спасенье, спасенье, спасенье
Немного, совсем немного.
Бесценны, бесценны, бесценны
Звезда и еще — дорога.
Дорога, дорога, дорога...

Крысолов

В подвале крысы спали,
Крысы все в подвале спят, жуют и пьют.
Как много натаскали, крысы, натаскали,
Чтоб создать уют.

Эй, крысолов, вот тебе улов.
Но что-то крыс слишком много,
Ты где, крысолов?

Немного крысам надо,
Возле склада стоит им прогрызть дыру.
А люди и не знают, как продукты пропадают
К ним в нору.

Эй, крысолов, вот тебе улов.
Но .что-то крыс слишком много,

Ты где, крысолов?

Ну крысы, в самом деле,
Растолстели, обнаглели, это факт.
Но дело нам не ново,
Мы поможем крысолову,
Раз уж так.

Эй, крысолов, вот тебе улов.
Но что-то крыс слишком много,
Ты где, крысолов?

Ещё у крыс в подвале
То, что нужно им едва ли, что не съесть.
И как они узнали, что в желтеющем металле
Что-то есть.

Эй, крысолов, будет нам улов.
Но 'что-то крыс слишком много,
Мы здесь, крысолов.
Эй, крысолов, вот тебе улов.
Побольше надо бы дела
И чуть поменьше слов.

Третье тысячелетие

В этуночь, ослепительно светлую,
Мне приснилось, что стал я планетою.
И глаза мои тридцатилетние
Разлились в океаны рассветные.

Воспаленную память Европы
Провода затянули упруго.
И тревожный врывается рокот
Сквозь мои африканские губы.
И свела свои скулы Америка,
А по Азии бродит истерика.

Ну зачем, обезумел я что-ли,
Я впитал все планетные боли?

Шахты ракетным зудом
Всверлены в мой скелет
И самолетов зубы
Будут во мне болеть.

Все города помечены
Каждый своим крестом.
Третье тысячелетие
Что за твоим хребтом?

Дровосек

Как кора, кора, кора,
Под ударом топора
Вместе с потом от работы
Отлетает мишура.
Нам пора, пора, пора,
Рукоятью топора
Натереть комки мозолей,
Сонной силой поиграть.

Ты играй, играй, играй,
Свет на гранях топора,
Просто взял, да и собрался
Прорубить дорогу в рай.
Прорубай, рубай, рубай,
Айя-я-яя-яй!
Ты годишься в дровосеки,
Видно силы через край.

Облетай-летай кора,
Под ударом топора.
Дед лукаво усмехнулся
Нам работа, вам — игра.
Намотай-ка дед на ус:

Я работы не боюсь,
Чтобы песня зазвенела,
Я до пота напоюсь.
Это вам попеть — игра,
Три струны перебирай,
Песню вытесать труднее,
Чем срубить дорогу в рай.
Усмехается мой дед:
То-то песен больше нет.
Видно всех вас потянуло
Хоть в лесу оставить след.

Стеклодув

Мой другг стеклодув,
Своей длинной трубой
Берет он горячий
Комок голубой.
И вот возникает
В поющем стекле
Дымящийся шарик,
Подобный земле.
Вдыхаешь жизнь
В свое стекло.
Не простое у тебя ремесло.
Он капнул прозрачным,
И сразу заря.
По шарикку скачут
Цвета янтаря.
А он улыбнулся,
Сказал мне — дарю
Голубенький шарик
И в небе зарю.

Меняет мир
Твое стекло.
Не простое у тебя ремесло.

Опустится мгла,
И мой друг стеклодув
Создаст из стекла
За звездою звезду.

Завидую тем,
•Кто умеет творить.
Творить, улыбаясь,
И людям дарить.
Смотрю на мир
В твоё стекло.
Золотое у тебя ремесло.

04. 06. 1984.

Два крыла

Раз, два три, четы...

Два крыла на взлете блестят,
Скорость девятьсот
Разрешит японский вопрос
Эа фос.
Мы причешем их под пробор,
Мы припомним им Пирл-Харбор.
Ни за что погибших парней
Ю Эс Эй.

Знал ли, что ты там сбросил,
Что ты поставил мир под вопросом?
Под крылом день пустой,
Небо горит!
Ван, ту, фри , фо..

Раз, два три, четы...
Два крыла на взлете блестят,
Скорость две пятьсот пятьдесят.
Разрешит вьетнамский вопрос
Эа фос.

Отбелели ваши сады
Мы свои оставим следы.
Чтоб бамбук раскрашивать ваш:
Эйч Оранж.

Раз...
Шлет в подарок Лос-Анжелос,
Первый сброс.
Ван, ту, фри , фо...

Два крыла на взлете блестят,
Скорость семь нолей пятьдесят.
Разрешит всемирный вопрос
Космик Фос.

Новый парень отважный
Мчится над зоной
Жизненно важной.
Но теперь первый сброс
Ставит все под вопрос.

Если что-то там сбросишь,
То ты поставишь жизнь под вопросом.
Под крылом шар пустой,
Небо горит!
Та-га-та-га.

Знал ли, что ты там сбросил,
Что ты поставил все под вопросом?
Под крылом мир пустой,
Небо горит!

Брат-нумизмат

У меня есть старший брат,
Но беда мне с братом:
Он заядлый нумизмат —
Деньгособиратель.
Все, что было, мог продать,
Так любил монеты.
Те, что двести лет лежат,
И не видят света.

Да еще со всех сторон
Донимали братика:
Разорит нас скоро он
Этой нумизматикой!

Поумнеть ему пора!
Ну чего в них ценного?
Если деньги собирать
Можно современные.

Книжки умные читал,
И ходил на лекции.
Все на свете промотал
Для своей коллекции.

И сказал наш дед-старик
Родовому сходу
Нам пора его женить.
Поумнеет сходу!

Навалились как стена,
Допекают братика:
Мол, нужна тебе жена,
А не нумизматика.
Поумнеть ему пора,
Дело непременное!
Будет деньги собирать,

Только современные.

Год жена у нас жила.
Брат читал ей лекции.
Разобравшись, продала
Всю его коллекцию:

Разъезжают в “Жигулях”
И купили дачу.
Ходят только в соболях,
Мы же горько плачем.

Кабы знать, что в наши дни
Эта рухлядь ценится!
Что старинные, они
Враз осовременятся.

Ни отец, ни мать, ни дед,
Не ругают братика.
Интереснейшая вещь
Эта нумизматика!

Кукловод

Круглый год рукой водить
Такова работа.
С высоты руководить —
Дело кукловода.

Мне не видно лиц людей,
Суеты в избытке.
То разбойник, то злодей,
У меня на нитке.

Каждый зритель понимает,
Деру эту штучку,
Сразу кукла поднимает
Кукольную ручку

Захочу, и дернется
Ниточка тщеславия,
Радости и гордости,
Страсти и ума.
Поверну налево я,
Поверну направо я.
Кукла искренне считает,
Что она сама.

Потерял я видно грань
Жизни и искусства.
Всюду чудится игра
В кукольные чувства.

Наш серьезный взрослый мир
Кукольной раскраски.
В окнах кукольных квартир
Кукольные страсти.

Отчего у нас сейчас
Суеты в избытке?
Может кто-нибудь и вас
Дергает за нитки.

Дерните, и дернется
Ниточка тщеславия,
Жадности и гордости,
Страсти и ума.
Поверну налево я,
Поверну направо я.
Кукла искренне считает,
Что она сама.

Дирижабль

Медлительны неверные шаги
И стены беспокойно-красноваты.
Стекло блестит, но за стеклом ни зги,
Лишь омертвелый сумрак синей ватой.

Мне в этот глянец так глядеться жаль,
Осиротел весь мир, густой и зыбкий
Висит под потолком мой дирижабль,
Задумавшись наморщенной обшивкой.

За каплей капля медленно дрожит,
Как плачет кто, и так привычно плачет,
Ты жизнь на это дело положил.
Да, положил. И не могу иначе.

Забыт, как бред великого ума,
Огромным теплым домом он всплывает,
Восходит в белый облачный туман
И землю с небом будто разрывает.

И в этом мы, и в этом наше счастье.
Беззвучно и беспечно он летит.
За облаком, за нашим настоящим.
И я надеюсь — жизнь меня простит.

Астры

День счастья.
Дверь настежь.
Синь сада
Так легка.
Тихо кивали
Белые астры
Облакам.

Чуть слышно
Под крышей
Распелись
Два сверчка.
Плавно танцуя,
Ветер колышет
Тень цветка.

А теперь по тонким веткам
Рыжих крон
Молодой холодный ветер
Гонит гром.
Я заметил лишь сейчас,
Как тревожно!
По астрам Бьют капли
Наверно от тоски.
И улетают
Крыльями счастья
Лепестки.

А я шепчу твои слова,
Что мало счастье чувствовать,
Что прав тот,
Кто счастье отдает.

Но астру
Не сложишь
Из тысяч лепестков.

Счастье так просто,
Счастье так сложно
Как цветок.

Зеркальный электромобиль

Исполненный с детским старанием
Рисунок со странным названием:
“Зеркальный электромобиль”.

Спросил я автора — отлично,
Но почему же он зеркальный?
— Ну как же, он — экологичный,
К нему бы птицы прилетали.
А чтобы выглядеть приличней,
В нем будет лес принаряжаться.
Ведь надо в чем-то отражаться,
раз хочешь выглядеть приличней.

Он все раскрасил чистым спектром,
Он смеси красок не любил.
— А потому, что он — электро,
А не какой-то там мобиль.
Раз все в природе гармонично,
Он должен выглядеть привычно.
Вот он поэтому спектральный
Зеркальный электромобиль.

И я подумал, все нормально.
Ведь это на до же, спектральный
Зеркальный электромобиль.
Зеркальный электромобиль.

А.И. Субетто

Слово о Николае Николаевиче Александрове

Об авторе

30 декабря 2018 года после продолжительной и тяжелой болезни ушел из жизни видный российский ученый-философ и мыслитель, мой ученик в области системогенетики и друг, [Николай Николаевич Александров](#).

Родился Николай Николаевич 18 ноября 1952 года в поселке Приволжье Приволжского района Астраханской области. Детские и юношеские годы провел в шахтёрском поселке Донецкий (Кировский район Ворошиловградской области), где и закончил среднюю школу. С раннего возраста в нём ярко проявилось исследовательское отношение к миру, обществу, человеку, в целом – к жизни во всём богатстве её проявлений. В эссе «Почему я стал системогенетиком», которое он написал в 1994 году, когда мы вместе трудились в Международной Академии бизнеса и банковского дела в Тольятти, он отмечал, что уже в 16 лет он «вёл юношеские дневники, в которых стихи сочетались с выписками и размышлениями о жизни», более того, написал «программу» своей жизни, в которой он, с одной стороны, отрефлектировал уже пройденный путь, а, с другой стороны определил свой «путь» в будущей жизни. Об этой «программе» он так написал: «Она умещалась на половине странички и представляла собой восторженное прозрение человека, который открыл вдруг мировое искусство. Я писал, что корень всех искусств един и будущее – в их слиянии и синтезе, чем и стоит заниматься. То есть, если говорить системогенетически, я впервые для себя вышел на идею эстетических инвариантов».

Энциклопедическая устремленность к познанию в нем проявилась рано. Ему уже в первые годы сознательных размышлений о смысле жизни и своём предназначении стало ясно, что, как он пишет, «природа заложила» в него «слишком много всякого, а это обычно тяжело сказывается на судьбе, поскольку человеку с «одной, но пламенной, страстью» всё-таки легче. Меня же всегда мучила проблема выбора. Я занимался рисованием, живописью, писал стихи и прозу, строил авиамодели, гиперболоиды инженера Гарина, электродвигатели и паровые турбины из консервных банок, обожал химические опыты и делал холодное оружие, а также вёл археологические раскопки, поскольку любил ещё и историю».

Эта увлеченность познания проявлений универсальности мира, в котором мы – человечество – живём, материализовалась в научно-философском энциклопедизме сделанного им к концу своей жизни. Уже сам список областей его научных интересов, в которых он успел оставить свой след в форме тех или иных научных идей и результатов, поражает (вот список направлений, составленный им самим):

- философия;
- философия науки и техники;
- философия культуры,
- философия экономики;
- аксиология;
- гносеология;
- этика;
- эстетика;
- культурология;
- социология;
- методология научного познания и творчества;
- методология художественного творчества;
- философская герменевтика;

- художественная герменевтика;
- логика;
- нумерология;
- историометрия;
- история искусства;
- история литературы;
- теория композиции;
- теория восприятия;
- прогнозирование;
- менеджмент;
- теория организаций;
- реклама;
- проектирование;
- история и теория дизайна.

Им опубликовано более 50-ти научных монографий (по состоянию на 2015 год – 54 монографии) и более 220 научных статей.

Он прошел сложный и многопрофильный профессиональный «путь»:

инженера; художника-конструктора; преподавателя изобразительного искусства (1981 – 83гг.); разработчика программы «Эстетическое развитие населения города Тольятти» и руководителя её реализацией в 1983 – 85гг.; главного художника города Тольятти и одновременно заместителя начальника Главного управления архитектуры и градостроительства в этом же городе в 1985 – 1990 годы, в эти же годы он читал в Тольяттинском филиале Московского технологического института сервиса такие учебные дисциплины, как эстетика, история моды, история дизайна, проектирование; проректора по науке Международной Академии бизнеса и банковского дела и одновременно – ректора университета, входящего в структуру этой академии (1990 – 1995 гг. здесь он читает такие курсы, как проектирование, тео-

рия и история дизайна, история мирового искусства, цветоведение, имиджелогия); главного дизайнера города Тольятти (1996 – 2002гг.); профессора кафедры философской антропологии в Нижегородском государственном университете им. Н.И.Лобачевского (2003 – 2004 годы); заведующего кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, профессора Дзержинского филиала Волго-Вятской академии государственной службы (ВВАГС) в 2005 – 2010 годах; профессора-консультанта ректора Нижегородского коммерческого института, а также заведующего кафедрой теории менеджмента и научного руководителя Центра информационных ресурсов в этом же институте (2005 – 2012 гг.); заведующего кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин Дзержинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (2012 – 2014гг.); профессора кафедры менеджмента Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (НГСХА) в 2014 – 2015 годах.

В 1995 году Николай Николаевич Александров защищает кандидатскую диссертацию по философии «Концепция системогенезиса общества: цивилизация и культура сквозь призму искусства», а в 2001 году докторскую диссертацию «Методология системного анализа генезиса социума». На обеих защитах, которые проходили в диссертационном совете по философии в Нижегородской государственной архитектурно-строительной академии, руководимым профессором, доктором философских наук Львом Александровичем Зеленовым, я выступал оппонентом. В обеих работах Н.Н.Александров использовал методологию и концептуальные идеи системогенетики, как отдельной научной отрасли, которую я разрабатываю, начиная 1977 года (первая монография «Системогенетические закономерности формирования и

развития качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства)» была мною опубликована в 1983 году, а вторая, её развивающая, – «Системогенетика и теория циклов» в 1994 году), а также классиологии или «метаклассификации», как науке о закономерностях классифицирования в любых областях, также представленной в моих монографиях «Метаклассификация, её закономерности, метрики и их использование в квалиметрии проектов и строительных работ» (1983) и «Метаклассификация» как наука о закономерностях и механизмах классифицирования» (1994).

Н.Н.Александров – уникальный исследователь, мыслитель, несомненно, универсального масштаба. Как человек, глубоко погруженный в мир искусства, в мир образов, глубоко предрасположенный к целостной, эстетической форме восприятия, он создаёт новое направление в системогенетике – эстетическую системогенетику. Ему принадлежит открытия длинных циклов во всемирной истории культуры, которые он связал с понятием (им же предложенным) «ментальная формация».

Я познакомился с Николаем Николаевичем на симпозиумах Горьковского философского клуба, которые организовывались и проводились под водительством Льва Александровича Зеленова, начиная с 1972 года. А привлёк меня в этот клуб, ныне доктор философских наук, профессор, Александр Михайлович Пищик, тоже и мой друг, и друг Н.Н.Александрова. Он прочитал мои работы по системогенетике, теории циклов и «метаклассификации», пришел ко мне в Ленинграде знакомиться, и после нашей беседы я стал постоянным участником зеленевских философских симпозиумов.

Но более глубокое духовное «схождение» меня с Александровым началось с 1991 года, когда он пригласил меня к работе в «Банковском колледже», созданном под эгидой Автовазбанка, быстро преобразованном в Меж-

дународную академию бизнеса и банковского дела. Я сотрудничал с Александровым, начиная с 1991 года вплоть до 2002 года, когда он уехал в Нижний Новгород. Это был удивительный период, я думаю, не только в жизни Н.Н.Александрова, его жены Татьяны Васильевны Зыряновой, защитившей кандидатскую диссертацию под моим руководством, но, и это я подчеркиваю, – и в моей жизни. В 1994 году мы – я и Александров – организовали и провели международную научную конференцию «Системогенетика и учение о цикличности развития» с изданием двух книг с аналогичным названием, которые мы рассматривали, как своеобразную манифестацию российской научной школы по системогенетике и учению о цикличности развития. В этой работе Николай Николаевич опубликовал работу «Глобальные ментальные циклы и модели времени в истории», в которой представил свою концепцию глобальных ментальных циклов, смена которых сопровождалась и сменой «моделей времени в истории». При этом, он рассматривал эту концепцию, как развитие моей теории закона роста идеальной детерминации в истории, представленной мною в серии работ, в том числе в монографии «Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект и образовательная генетика» (1994). Он так писал в этой работе: «...мы рассматриваем историю человечества как идеально детерминированную. Причем мы можем наблюдать процесс роста идеальной детерминации в истории, что является самостоятельной проблемой, описанной в системогенетических работах А.И.Субетто [..]. Идеальная детерминация истории достаточно трудно ухватывается. Найти термин для её фиксации на формационном уровне ещё сложнее – это задаёт сам метод исследования. Наша точка зрения близка позиции М.Барга [...], рассмотревшего «менталитет» как объяснительную основу устройства того или иного общества...».

Я вспоминаю огромное множество вечеров, которые мы провели с Николаем Николаевичем или в его рабочем кабинете, засиживаясь допоздна, или у него дома, где я часто оставался и на ночь. Отмечу, что я вторую докторскую диссертацию (по социальной философии) «Общественный интеллект: социогенетические механизмы развития и выживания» я защитил в 1995 году в Нижнем Новгороде при материальной поддержке Международной академии бизнеса и банковского дела, которую я получил благодаря хлопотам в том числе и моего друга Николая Николаевича Александрова.

Нижегородский период жизни Н.Н.Александрова мне меньше знаком. Мы стали реже встречаться. Но связь поддерживали. Он активно участвовал в организуемых мною конференциях по системогенетике и ноосферному образованию.

Отмечу и ещё один штрих в творческой биографии Н.Н.Александрова. Он по моей инициативе в 1994 году стал и организатором, и директором Тольяттинского филиала Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, в котором я работал. Именно в этом качестве он активно участвовал в организуемых мною и Н.А.Селезновой, директором Исследовательского центра, ежегодных симпозиумах «Квалиметрия человека и образования: методология и практика».

Николай Николаевич Александров ещё будет открываться и переоткрываться науковедами, историками отечественной науки. Думаю, появятся энтузиасты в Тольятти, в Нижнем Новгороде, которые всю серию изданных им монографий, а также статей, переведут в собрание его сочинений. Он, как талантливая творческая личность в культурной истории современной России, не сомневаюсь, достоин такой акции.

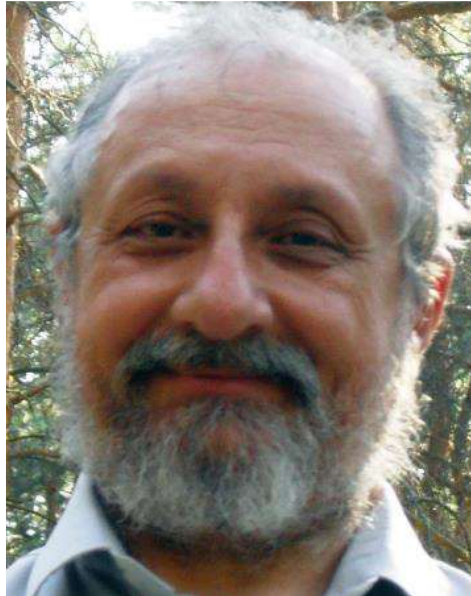
Николай Николаевич! Вечная тебе память! Пусть русская земля станет для тебя пухом! Смерть есть только момент нашего бессмертия!

XXI век станет веком становления, я убежден, Носферной России, веком духовного подвига русских людей, всех людей доброй воли – подвига ради носферного спасения человечества от экологической гибели. И в будущем пантеоне людей, которые не только мечтали о лучшем будущем для людей, построенном по законам красоты и справедливости, но и делали всё, что могли, чтобы эти мечты превратить в реальность, обязательно будет и имя Николая Николаевича Александрова – творца, философа, педагога, художника, конструктора, дизайнера, искусствоведа, эстетика, мечтателя (в глубинном, онтологическом понимании этого слова)!

А.И. Субетто, Слово о Николае Николаевиче Александрове // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.25083, 10.01.2019. - URL:

<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005d/00012242.htm>

**Резюме
Александрова Николая Николаевича**

Доктор философских наук, профессор

1969-1972 - Харьковский авиационный институт. Факультет «Двигатели летательных аппаратов». Специализация – двигатели ЛА. Незаконченное высшее.

В 1981 году окончил Харьковский художественно-промышленный институт. Факультет «Промышленное искусство». Специальность – художник-конструктор.

1975-1976 гг. Декоратор Харьковского центрального универмага. Освоил основные технологии декоративно-прикладного и изобразительного искусства, скульптуры и дизайна. Детально изучал художественные и архитектурные музеи Харькова и Москвы.

1981-1983 гг. Преподаватель изобразительного искусства.

1981-1982 в экспериментальной школе АПН в с Зыбком Кировоградской обл. (школа АПН СССР, М.П. Щетинин),

1982-1983 – в экспериментальной школы искусств № 1 г. Тольятти. Подготовлены две программы и методические пособия по изобразительному искусству и истории мировой художественной культуры (общеестетическое отделение).

1983-1985 гг. Отдел культуры горисполкома, методический отдел, начальник детского сектора. Разработчик и руководитель программы «Эстетическое развитие населения г. Тольятти». Была разработана впервые в стране теоретическая концепция, общегородская программа и план ее реализации, сформировано финансирование, структура управления, методического обеспечения и дополнительного образования в рамках программы.

1985-1990 гг.

Главный художник города Тольятти. Заместитель начальника Главного управления архитектуры и градостроительства г. Тольятти.

Преподавал в Тольяттинском филиале Московского Технологического Института сервиса (Поволжский технологический институт сервиса, сегодня Поволжский государственный университет сервиса) в качестве почасовика.

Читаемые курсы: эстетика, история моды, история дизайна, проектирование.

1990-1995 гг. Проректор по науке Международной Академии бизнеса и банковского дела - ректор университета. Заведующий кафедрой дизайна.

Читаемые курсы: проектирование, теория и история дизайна, история мирового искусства, цветоведение, имиджелогия.

В 1994 году перешел на научную работу. Опубликовал две монографии. В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Концепция системогенезиса общества: цивилизация и культура сквозь призму искусства». В

2001 г. защитил докторскую диссертацию «Методология системного анализа генезиса социума».

Директор филиала Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов высшей школы (Мин. Обр. РФ).

1996-2003. В 1995 году стал директором Института реабилитации города Тольятти и проректором по науке Средне-волжского университета. Разработал несколько программ реабилитации города и представил их мэру. Подготовил концепцию негосударственного (городского) университета. Она реализована.

С 1996 года - Главный дизайнер города Тольятти, Заместитель начальника Главного управления архитектуры и градостроительства мэрии г. Тольятти.

Разработал и реализовал серию городских программ, связанных с архитектурно-художественным обликом г. Тольятти (реклама, визуальные коммуникации, городской дизайн, праздничное, световое и цветное оформление города).

По совместительству – доцент, а затем профессор кафедры гуманитарных дисциплин Самарской гуманитарной академии.

2003-2004. Профессор кафедры философской антропологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

2005-2010 - Заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Дзержинского филиала ВВАГС, профессор.

2005-2010 - Профессор-консультант ректора НКИ. Заведующий кафедрой теории менеджмента.

Научный руководитель Центра информационных ресурсов, профессор.

2011-2012 Профессор НКИ, ВВАГС.

2012-2014 Заведующий кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин Дзержинского филиала РАНХиГС, профессор

2014-2015 Профессор кафедры менеджмента НГСХА.

18.09.2015-22.03.2018 профессор кафедры индустрии моды и художественных технологий Института пищевых технологий и дизайна – Филиал ГБОУ ВО НГИЭУ.

Читаемые дисциплины:

Теория дизайна

История дизайна

Область научных интересов:

философия, философия науки и техники, философия культуры, философия экономики, аксиология, гносеология, этика, эстетика, искусствознание, литературоведение, искусствометрия, история искусства, история литературы, теория композиции, теория восприятия, прогнозирование, менеджмент, теория организаций, реклама, проектирование, история и теория дизайна.

К 2018 г. опубликовано 62 монографии и 255 научных статей.

